

СТИХОТВОРЕНІЯ

Е. Милькѣева.

МОСКВА.

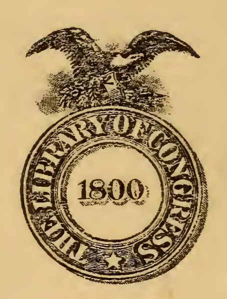
—

1843.

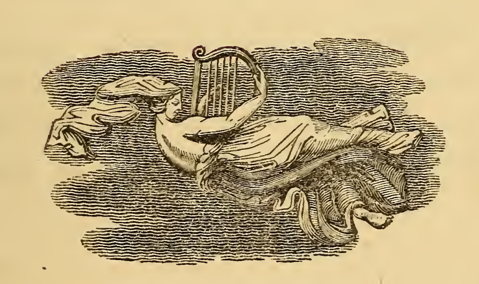

A.D. 1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА Г.В.ЮДИНА

LIBRARY OF CONGRESS
1800

СТИХОТВОРЕНІЯ

Е. МИЛЬКѢЕВА.

МОСКВА.
ВЪ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1843.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Іюня 28 дня, 1842 года.

Ценсоръ Статскій Совѣтникъ И. Снегиревъ.

Его Превосходительству,

Милостивому Государю,

Ивану Григорьевичу

Сенявину.

Важныя заботы общественной жизни и священное поприще службы Государственной не отвлекаютъ Ваше Превосходительство отъ благотворнаго стремленія содѣйствовать всему, что служитъ къ пользѣ наукъ и образованія. Среди многосложныхъ обязанностей, Вы любите разсматривать нравственную, духовную сторону человѣка, и не отвращаете Вашего слуха отъ языка боговъ.

За нѣсколько лѣтъ, на берегахъ Иртыша, гдѣ моя родина, я имѣлъ неожиданное наслажденіе встрѣтиться съ В. А. Жуковскимъ, ко-

торому повѣрилъ первые опыты мои въ стихахъ. Благодѣтельный Поэтъ принялъ ихъ снисходительно и ободрилъ меня. Повинуясь его просвѣщенному вызову, я оставилъ родину и переселился сюда, гдѣ, до самаго отъѣзда В. А. Жуковскаго изъ Россіи, пользовался его покровительствомъ, которому обязанъ и счастіемъ быть нынѣ подчиненнымъ Вашего Превосходительства.

Глубокое уваженіе къ блистательнымъ свойствамъ Вашей души—во всѣхъ, которые знаютъ Васъ и рождены съ любовью къ

истинѣ и высокому безпристрастію—едва ли не доходитъ до обожанія. Поставляя себѣ чистосердечнымъ, пріятнѣйшимъ долгомъ раздѣлять это общее чувствованіе, я осмѣлился питать желаніе — посвятить имени Вашего Превосходительства плодъ моей внутренней жизни, упражненія въ поэзіи, хотя и незрѣлыя. И такъ какъ на это желаніе Вы удостоили благосклонно согласиться, то я исполняю теперь его съ восторгомъ.

Е. Милькѣевъ.

Москва,
20 Іюня 1842.

ПИСЬМО АВТОРА

КЪ

ВАСИЛІЮ АНДРЕЕВИЧУ

ЖУКОВСКОМУ.

Вашему Превосходительству угодно, чтобы я разсказалъ свою исторію. Постараюсь объяснить себя, какъ буду въ состояніи.

Если не заблуждаюсь, природа надѣлила меня привязанностью къ звукамъ, но между тѣмъ назначила родиться и жить въ такой сферѣ, гдѣ ничто не могло способствовать своевременному пробужденію и образованію этого инстинкта, гдѣ болѣе всего раздается безмолвіе для души, гдѣ менѣе всего слышится музыка слова. Не гармоническій тотъ классъ, изъ котораго я происхожу. Отецъ мой не имѣлъ никакого состоянія и умеръ, оставя меня трехлѣтнимъ ребенкомъ, на рукахъ матери, въ совершенной бѣдности. Мать моя приняла довольно горя, пока мнѣ нужно было подняться изъ столь слабаго младен-

чества. О воспитаніи говорить нечего. Одиннадцати лѣтъ, изъ уѣздной школы отдали меня на службу, въ одно губернское мѣсто, гдѣ надлежало мнѣ доучиваться почерку и грамотѣ, перебѣляя черновыя сочиненія канцелярскихъ писателей. Не много можно было почерпнуть изъ той словесности, какую видѣлъ я предъ собою. Наша приказная фразеологія, въ отдаленныхъ и нисшихъ мѣстахъ, нельзя сказать, чтобъ отличалась вкусомъ. Но такъ какъ я еще очень мало смыслилъ, то и эта незавидная проза казалась мнѣ высокимъ краснорѣчіемъ. Умственное любопытство тѣхъ, съ которыми я находился въ обществѣ, ограничивалось также не весьма изящнымъ чтеніемъ: старыя сказки, давно забытыя повѣсти ходили между ними въ обращеніи; да и тѣмъ дѣлиться не имѣли они готовности, стараясь наслаждаться скрытно. Поэтому очень мало приводилось мнѣ читать, не говоря уже о чемъ нибудь порядочномъ. Первая хорошая книга, которая попалась мнѣ въ руки, были басни Крылова: я имъ чрезвычайно обрадовался, такъ что вытвердилъ ихъ наизусть, и помню большую часть теперь. По нимъ я

сталъ учиться риѳмамъ и излагать стихами разныя сказки. Рѣшительное желаніе сдѣлаться стихотворцемъ овладѣло мною при чтеніи Плутарха, когда мнѣ было отроду лѣтъ шестнадцать: я воспламенился, и съ величайшимъ усердіемъ ломалъ голову надъ риѳмами; не разумѣлъ стопъ и размѣра, утѣшался только созвучіями; необузданный стихъ мой содержалъ иногда слоговъ двадцать, удареніе прыгало и садилось произвольно. Хотя примѣтилъ я нестройность въ этой отчаянной музыкѣ, однако долго не отгадывалъ, отчего у меня выходила такая нескладица, и это доставляло мнѣ истинную пытку. Цѣлыя ночи были проведены въ усиліяхъ открыть секретъ. Наконецъ сосчиталъ я гласныя буквы въ печатномъ стихѣ, прислушался къ ударенію—и завѣса приподнялась. Я началъ составлять стихи, болѣе или менѣе правильные, и приводить ихъ въ разные размѣры, по образцу немногихъ стихотвореній, которыя удалось читать впослѣдствіи.

Такимъ образомъ, прежде нежели научился я сердцемъ постигать то, что называется

поэзіей, мнѣ надлежало открыть собственною догадкою, разумѣется въ нѣкоторой степени, механизмъ сочетанія, или сдѣлать доступнымъ для своего понятія тотъ избранный способъ выраженія, къ которому душа симпатически влеклась. Медленно успѣвалъ я въ этомъ, потому что заграждены отъ меня были всякія средства; я даже не зналъ, существуютъ ли на то учебныя пособія. Прибѣгнуть къ кому? Тѣ, съ которыми я могъ сближаться, не могли откликнуться на мои вопросы: не льзя было ничего отъ нихъ перенять или услышать; и какъ черты этихъ людей не имѣли большаго сходства съ моими, то я застѣнчиво удалялся ихъ сообщества. Изъ лучшихъ никто не чувствовалъ охоты заняться мальчикомъ, безмолвнымъ и скучнымъ, а я по врожденной боязливости несмѣлъ спрашивать; малѣйшей нескромностью страшился обнаружить свою привязанность какъ преступлѣніе, и хранилъ се въ душѣ непроницаемо для всѣхъ.

Чтобы понять правописаніе, я углублялся въ анатомію словъ, прилежно всматривался въ ихъ происхожденіе. Когда меня взяли на

службу въ то мѣсто, гдѣ я нахожусь теперь, * тутъ случалось, хоть очень рѣдко, достать порядочную книгу; тогда я уносилъ сокровище домой, съ благоговѣніемъ и восторгомъ погружался въ чтеніе; останавливался на тѣхъ страницахъ, которыя восхищали меня живописью и благозвучіемъ; старался удерживать въ памяти образъ выраженія, гдѣ благородство и чистота были осязательны моему разсудку, и послѣ прилагалъ эти свѣдѣнія къ моей стихотворной практикѣ.— Однако я могъ бы и чаще доставать книги, если бы обладалъ нѣкоторой ловкостью и умѣньемъ снискивать расположеніе людей, болѣе или менѣе обращающихся съ ними; если бы не имѣлъ той неодолимой робости, которая составляетъ роковую черту въ моемъ характерѣ. Я пользовался именно тѣмъ, что доходило до рукъ моихъ случайно, и до сихъ поръ не прочелъ ни одного писателя нашего вполнѣ. Грѣшно сказать—я даже не всю читалъ Исторію Карамзина. Другихъ знаю по отрывкамъ, а другихъ только потому, что слухомъ земля полнится.

---

* Я писалъ это во время бытности въ Петербургѣ, но числился на службѣ въ Тобольскѣ.

Языкъ и правила мои въ слогѣ заняты изъ того, что успѣлъ я прочитать порядочнаго. Граматическихъ терминовъ незнаю, риторическихъ формулъ подавно; и если бы спросили, почему разстановку словъ я дѣлаю такъ, а не иначе, я отвѣчалъ бы только, что подобные обороты замѣтилъ въ употребленіи.

Теперь, какъ развивался ходъ моей мысли, какія внушенія располагали духомъ, и чѣмъ наиболѣе поражалось вниманіе? Предѣлъ моихъ знаній препятствовалъ расширять мысль. Религіозное чувство и природа служили основнымъ, единственнымъ побужденіемъ: я любилъ смиряться и дивиться Богу, любилъ смотрѣть на звѣзды и открытое небо, и хотѣлъ одѣвать чувствованія звукомъ, хотѣлъ говорить о небѣ и Творцѣ. Къ этому сердце относило цѣль жизни. И теперь желалъ бы я всего болѣе погрузиться въ истину, настроить разумъ, совокупить силы души, чтобы принесть дань удивленія чудесамъ Бога словомъ достойнымъ.

Но желанія велики, а крылья слабы. Часто умственное безсиліе наводило на меня глу-

бокую тоску, подавляло душу уныніемъ; часто мучился я недовѣрчивостью и сомнѣніемъ, —и тѣмъ рачительнѣе скрывалъ мою тайну.

Вдругъ пронеслась вѣсть о путешествіи государя наслѣдника, въ которомъ участвовали и Ваше Превосходительство. Нашъ городъ пробудился, все приготовлялось . . . я тоже не былъ въ бездѣйствіи; я рѣшился сдѣлать себѣ насиліе, преодолѣть робость. Пересмотрѣлъ мои опыты, собралъ все, что находилъ изъ нихъ лучшаго, поправилъ, переписалъ, и пошелъ съ тетрадью къ Вашему Превосходительству, какъ только Вы пріѣхали. Могъ ли я сдѣлать лучше? Я несъ подарокъ мой со смятеніемъ, но поддерживался, утѣшался мыслію, что услышу правду и вѣрный приговоръ себѣ.

И Ваше Превосходительство признали во мнѣ способность. Это для меня крайне утѣшительно и лестно. Вы съ добродушіемъ тогда спросили, чего бы я могъ желать себѣ . . . Конечно, если дѣйствительно таится во мнѣ что нибудь такое, я желалъ бы воздѣлать мой даръ, воспитать способности ученіемъ, рас-

пространить силы познаніями. Но гдѣ средства?

И вотъ я въ Петербургѣ. Не за тѣмъ ли я сюда явился, чтобы рѣшить задачу жизни, начать новый періодъ? Но какъ осуществить надежды, сдѣлать поворотъ? Средства ученія здѣсь существуютъ; надобно приняться за все, потому что ничего не знаю; надобно сѣсть на одну лавку съ дѣтьми, а мнѣ двадцать три года: невозможно. Золотое время упущено; трудно его настигнуть. Между тѣмъ я съ горестью примѣчаю, что степень здоровья моего не позволитъ приступить къ жертвеннику съ такимъ полнымъ и торжественнымъ рвеніемъ, какъ требуетъ невознаградимая потеря лучшаго времени и какъ бы мнѣ дѣйствительно хотѣлось. Начатіе съ раннихъ лѣтъ письменной службы тамъ, гдѣ обращаются не весьма сострадательно, и гдѣ иногда отъ служакъ отдавались похвалы моему трудолюбію, можетъ быть слишкомъ недаромъ, имѣло необходимое вліяніе на мою организацію, не совсѣмъ крѣпкую отъ природы. — Я долженъ теперь затвориться въ комнатѣ, начать ученіе наединѣ и стремиться

къ цѣли, какъ позволятъ силы; но нельзя оставить службы, отъ которой получаю способъ жить. А можно ли соединить службу съ ученіемъ?

Въ такихъ обстоятельствахъ, къ исполненію моего желанія, существуетъ развѣ одинъ способъ, одно средство. Надобно искать просвѣщеннаго начальника, при которомъ бы, съ отправленіемъ обязанности, соразмѣрной моимъ способностямъ, я могъ имѣть время для ученія. Ваше Превосходительство съ рѣдкимъ добродушіемъ вызвались принять участіе въ этомъ. Вы заботитесь обо мнѣ, занимаетесь моей судьбою: это сильно меня трогаетъ и смущаетъ, потому что правъ мало имѣю. Конечно, пріобрѣсть такого начальника было бы счастіе, котораго лучше я пожелать не могу. Но у меня есть мать: я оставилъ ее далеко . . . Тягостно мнѣ не видѣть ту, которая меня родила и боролась почти съ нищетою для моей жизни. Рѣшусь ли опечалить ея старость, предать безпокойству долговременной и безнадежной разлуки съ сыномъ? Я уѣзжалъ съ тайнымъ желаніемъ остаться здѣсь, чтобы положить мои способ-

ности въ горнило ученія; теперь слышу внутри упрекъ. И сколько разумъ велитъ склониться на милость, предложенную мнѣ Вами, столько противорѣчитъ сердце.

Но отстать отъ избранной мысли, воротиться на свое прозаическое мѣсто, къ этой должности, къ этимъ занятіямъ, отъ которыхъ, нечего грѣха таить, часто тупѣетъ голова!.. опять возмущаюсь. Чѣмъ болѣе вникаю въ мои качества, въ мои силы и способности, тѣмъ менѣе нахожу въ себѣ начала, которое бы привязывало меня къ настоящему поприщу. Конечно, всякія обязанности святы, когда мы носимъ ихъ, и мы не должны терять къ нимъ уваженія ни въ какомъ случаѣ; только гораздо лучше, если онѣ отвѣчаютъ нашимъ наклонностямъ и движенію воли. На теперешнемъ мѣстѣ, я чувствую себя удивительно ничтожнымъ и пустымъ. Предпріимчивости и честолюбія не имѣю вовсе. Кажется, природа назначила мнѣ не ту орбиту, какую предполагала. Но опять не дѣло подозрѣвать судьбу въ ошибкахъ.

И такъ я долженъ рѣшиться прозябать въ невѣжествѣ, долженъ итти противъ воли и

желанія, разыгрывать ролю вѣчнаго противоборства и насилія себѣ, разбивъ до основанія надежды? Это ужасно какъ сметрь. Можетъ быть, судьба уже не пошлетъ другаго случая приблизиться къ средствамъ просвѣщенія, и я, не выступивъ изъ круга, враждебнаго моимъ расположеніямъ, вѣроятно сяду тамъ надолго. Нѣтъ, лучше рѣшусь пожертвовать чувствомъ, которое меня мучитъ и призываетъ туда. Пусть укрѣпится мать противъ разлуки съ сыномъ, необходимой для пользы его нравственныхъ силъ. Правда, что онъ хочетъ отважиться на подвигъ трудный, и слишкомъ поздно; но лучше теперь, чѣмъ никогда!

Ваше Превосходительство лучше знаете, что для меня нужно. Если мои способности возбуждаютъ вниманіе, если отъ нихъ можно чегонибудь надѣяться, прошу Вашего участія: доставьте мнѣ мѣсто, гдѣ бы, исполняя свою обязанность, я могъ имѣть книги и время. Благодарить Васъ иначе не буду въ силахъ, какъ усерднымъ стремленіемъ достигнуть успѣховъ и оправдать благодѣяніе.

Теперь сказано все. Я открылся Вашему Превосходительству съ чистосердечіемъ ребенка, объяснилъ всѣ обстоятельства, не утаилъ тревоги, которая наполнила душу при соображеніи моей судьбы. Вопросъ такъ меня озадачилъ, внушилъ мнѣ столько страннаго и грустнаго, что я смѣялся надъ собой и плакалъ, плакалъ и говорилъ: Господи, помоги мнѣ, грѣшному! Можетъ быть, я ложно бѣснуюсь, можетъ быть увлекся я мечтательнымъ своимъ воображеніемъ: исцѣли меня отъ болѣзни ума! — И долго не могъ собрать мои мысли, не зналъ на что рѣшиться, искалъ словъ, и не умѣлъ съ чего начать исторію, какъ приступить къ объясненію. Это тѣмъ болѣе меня смущало, что я еще не принимался за прозу, кромѣ канцелярской: выработывалъ исключительно стихъ.

С Петербургъ,
1838.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ СОЛНЦУ.

О дивный красавецъ, колоссъ мірозданья!
Даря насъ торжественнымъ зрѣлищемъ дней,
Выходишь ты съ бездной тепла и сіянья,
Въ коронѣ зиждительно-мощныхъ лучей.
Природы великой женихъ воцаренный,
Съ тѣхъ поръ, какъ ея украшеніемъ сталъ,
Когда не поспѣлъ ты на подвигъ священный,
Когда на державную цѣль опоздалъ?

Предъ силой и долей твоей величавой
Міръ Древній склонялся въ восторгѣ нѣмомъ,
Тебя окружалъ символической славой
И чествовалъ, робко дивясь, божествомъ.
И мы, согрѣваясь твоими лучами,
Съ отрадой, съ любовью на бѣгъ твой глядимъ...
Но ты лишь свѣтило, не богъ предъ нами,
И мы поклоненья тебѣ не дадимъ!
Мы знаемъ Того, Кто на подвигъ и бдѣнье,
На славу и радость тебя сотворилъ:
Ему одному лишь несемъ поклоненье,
Источнику блага, источнику силъ.

ВОЗРОЖДЕНІЕ.

Смѣна холоду крутому,
Смѣна мертвымъ, душнымъ льдамъ,
Сну болѣзненно-нѣмому,
Зимнимъ вихрямъ и снѣгамъ!
Міръ очнулся весь глубоко,
И прелестенъ, и богатъ,
Одѣвается широко
Въ новосвадебный нарядъ.

Вновь лѣса темны, пахучи,
Полны мракомъ и весной,
И свободны и могучи
Воды льются съ быстротой.
Воротилась тверди ясной
Золотая бирюза
И за тучей громогласно
Говорящая гроза.

Такъ являютъ дни и годы
Непрерывный переходъ:
То потускнетъ жизнь природы,
Одряхлѣетъ и замретъ;
То возстанетъ отъ паденья,
Вновь полна красы и нѣгъ...
Лишь одинъ ты возрожденья
Не извѣдалъ, человѣкъ!

Ты помазанникъ созданья,
Ты съ душою получилъ
Ключь премудраго познанья,
Даръ святыхъ, высокихъ силъ.

Что жъ ты юностью вѣнчальной
Вновь не блещешь, неба сынъ,
А къ развалинамъ печально
Переходишь отъ сѣдинъ?

Нѣтъ, не гибнешь ты... Хоть годы
Изотрутъ тебя во прахъ,
Все властитель ты природы,
Вѣчный въ царственныхъ правахъ:
Создаешь ты поколѣнья
Жизнью собственной, и вотъ
Бытія и возрожденья
Безконечный пиръ цвѣтетъ!

И увядшій невозвратно
Блескъ твоихъ весеннихъ дней
Въ роды мчится перекатно,
Съ пыломъ воли и страстей.
И сынамъ твоимъ судьбами
Заповѣданъ тотъ же путь,
Такъ же въ нихъ реветъ громами
Огнедышащая грудь!

ДЕНЬ И НОЧЬ.

Летитъ, разгараясь, надъ міромъ
День свѣтлый, гостинецъ небесъ.
Любуются тверди сапфиромъ
И холмы, и воды, и лѣсъ.
И полны глубокой отрады,
Согрѣты восторгомъ святымъ,
Пылаютъ сердца какъ лампады,
Къ предѣламъ парятъ неземнымъ...
И видитъ Создатель ихъ трепетъ,
Ихъ жаръ съ неприступныхъ высотъ,
И слышитъ дѣтей своихъ лепетъ,
Веселья хвалебнаго плодъ.

Но тѣни ночныя смѣняютъ
День свѣтлый, по волѣ Творца,
И скованы сномъ, потухаютъ
Лампады живыя, сердца...
Тогда предъ Создателемъ міра,
Начавъ заповѣдный обрядъ,
Торжественно въ лонѣ эѳира
Другія лампады горятъ:
Льютъ свѣтъ свой роскошно и ярко,
И также трепещутъ въ дали,
И молятся Господу жарко,
Какъ дѣти туманной земли...
И громко пучины творенья
Ему произносятъ хвалу,
И катится гулъ пѣснопѣнья
Сквозь ночи дрожащую мглу...
И Онъ, обнимающій вѣчность
Недремлющимъ окомъ Своимъ,
Онъ смотритъ на ихъ безконечность,
Внимаетъ привѣтливо имъ.

ЗАТВОРНИЦЫ.

Направя слѣдъ въ предѣлъ далёкій,
Путемъ туманнымъ и степнымъ
Я влекся грустный, одинокій,
Какъ безутѣшный пилигримъ:
Къ неясной цѣли и призванью
Стремился, край оставя свой,
Довѣрясь темному желанью,
Мечтѣ таинственной, глухой.
Я мѣрилъ взорами пустыню,
Душа томилася моя,
И вдругъ отрадную святыню,
Залогъ надежды, вижу я...

Передо мною рисовался
Видъ мрачныхъ горъ, и между скалъ
Храмъ пятиглавый возвышался,
Крестами свѣтлыми сіялъ.
Я позабылъ себя въ отрадѣ,
Грудь переполнившей мою:
Туда, къ спасительной оградѣ
Мой шагъ удвоенный стремлю...
Тамъ обрѣту мольбой смиренной
У Провидѣнья крѣпкій щитъ;
Тамъ глубь души моей стѣсненной
Любовь и вѣра осѣнитъ,
И путь очамъ укажетъ ясно,
И мнѣ мою приблизитъ цѣль,
И поведетъ къ ней безопасно
Черезъ житейскую мятель.

И вотъ божественной ограды
Я шагомъ трепетнымъ достигъ,
И тамъ сквозь яркія лампады
Святыхъ увидѣлъ кроткій ликъ.

Неизъяснимъ ихъ взоръ небесный,
Взоръ, умиляющій сердца,
Взоръ непонятно безтѣлесный,
Зовущій къ таинствамъ Творца!
Съ мольбами, сладость ѳиміама
Къ нимъ возносилась отъ кадилъ,
И подъ широкимъ сводомъ храма
Священный хоръ напѣвы лилъ.
Чудесный гимнъ! Какое пѣнье!
Горѣлъ во мнѣ ожившій духъ,
И въ сердцѣ быстрое движенье,
И таялъ, праздновалъ мой слухъ!
Но кто, восторженный блаженствомъ,
Благоговѣя предъ Творцомъ,
Съ такимъ высокимъ совершенствомъ
Пѣлъ о надеждѣ, о святомъ?
Кто могъ пролить душѣ унылой
Волну отрады неземной?
Чьи звуки шли съ такою силой,
Съ побѣдоносной полнотой?..
Я посмотрѣлъ кругомъ, и что же!
Увидѣлъ я отшельницъ хоръ —
Одна другой милѣй, моложе,
И свѣтелъ, радостенъ ихъ взоръ...

Я торопливо на Иконы
Отъ нихъ глаза отворотилъ,
Хотѣлъ молиться, но поклоны
Полуразсѣянно творилъ...

. . . .

. . . .

Такъ сердце, праздное для Бога,
Для безгрѣховной теплоты,
Стѣснила чувствъ земныхъ тревога,
Умчали буйныя мечты...
Но вдругъ явился Ты, Спаситель:
По храму взоромъ я блуждалъ —
И мнѣ Твой ликъ, какъ обвинитель,
Неотразимо заблисталъ.
Ты устремлялъ въ меня, казалось,
Всепроницающій Свой взоръ...
Я обомлѣлъ, и сердце сжалось,
Почуя Благости укоръ.

И тихо сталъ я тутъ молиться,
И умилительнымъ огнемъ
Еще затлѣть, одушевиться,
Несчастный, могъ передъ Творцомъ

Твердилъ я тихимъ сердцемъ: Боже!
Щитомъ Ты юныхъ дѣвъ покрой!
Ихъ цѣломудренное ложе
Пріосѣни Ты чистотой!
Да возвышаетъ ихъ терпѣнье,
Великихъ доблестей вѣнецъ,
И бездремотное стремленье
Уразумѣть Тебя, Творецъ!

И я, исполненный отрады,
Покинулъ храмъ, не одолѣвъ
Желанья снова бросить взгляды
На посвященныхъ Богу дѣвъ.
Но я взглянулъ на нихъ съ привѣтомъ,
Я сердцемъ ихъ благословлялъ,
И имъ покрыться славы свѣтомъ
Недосягаемымъ желалъ.
Я говорилъ въ душѣ имъ звучно:
Таитесь, чистыя сердца,
Отъ жизни міра злополучной
Здѣсь вѣчно, вѣчно для Творца!

Да прочь бѣгутъ отъ васъ печали
И волны всѣхъ житейскихъ смутъ!
Чтобъ вы земныхъ страстей не знали,
Свершая свой небесный трудъ!
И проклятъ будетъ, кто отлучитъ
Хотя на мигъ васъ отъ него,
И святотатственно научитъ
Васъ пѣть не Бога одного!

СУХАРЕВА БАШНЯ.

Была же смутная пора,
Какъ подъ отупенями престола,
Противъ державнаго Петра
Шипѣли зависть и крамола;
Какъ, обольщенные сострой
Царя, Стрѣльцы ярились шумно,
Орудье гордости слѣпой,
Любоначальности безумной:
Но между ними полкъ одинъ,
Хвала и честь! остался вѣренъ,

Какъ предъ отцомъ послушный сынъ,
Душой въ правахъ его увѣренъ.
Полковникъ Сухаревъ свой долгъ
Неколебимо и свободно
Хранилъ. Его былъ этотъ полкъ,
Презрѣвшій бунтомъ благородно.

И Петръ полковника любилъ,
Его заслуги награждая;
Когда же — ядъ роднаго края —
Тотъ страшный бунтъ угомонилъ,
Призвалъ Великій воеводу
И молвилъ въ благости своей:
„Хочу оставить я народу
Знакъ неподкупности твоей.
Гдѣ жилъ ты съ вѣрными Стрѣльцами,
Построй тамъ башню, да про васъ
Она являетъ предъ вѣками
Живописующій разсказъ!“
Сказалъ — и мощное желанье
Ретивый мужъ осуществилъ,
И достопамятное зданье
Среди Москвы соорудилъ.

Колоссомъ крѣпости и славы
Воздвиглась башня передъ ней,
Какъ отголосокъ величавый
Заслугъ и мужества тѣхъ дней.

И эту башню — великану
Столицы — древнему Ивану
Молва невѣстой нарекла...
Да вмѣстѣ славою блистаютъ
И племенамъ они вѣщаютъ
Про незабвенныя дѣла.

Тѣхъ дней борьба, тѣхъ дней тревога
Давно ужъ спятъ на лонѣ Бога;
Но живъ Иванъ нашъ золотой
Съ своей невѣстой вѣковой!
Она таинственно и строго
На міръ глядитъ. Когда-то въ ней
Жилъ тотъ могучій чародѣй,
Который, по наукѣ странной,
Зналъ наизусть судьбу людей.
Читалъ онъ въ книгѣ звѣздъ туманной,

И часто, въ полночи глухой,
Сидѣлъ одинъ какъ демонъ, точно
Съ неразрѣшимымъ сатаной
Творя бесѣду полномочно... (1)

И вотъ волшебница поитъ
Москву чудесными водами,
И влагу точитъ и слезитъ,
И бьетъ жемчужными струями...

За нашей матушкой-Москвой,
На сѣверъ, есть одна дорога.
Нерѣдко, съ чистой вѣрой въ Бога,
По той дорогѣ столбовой
На поклоненье пѣшеходцы
Къ Святому Сергію спѣшатъ...
Тамъ есть Громовые колодцы,
Изъ камня брызжутъ и кипятъ.
Ихъ прежде не было. Тотъ камень,
Покрытый мохомъ весь, лежалъ
Безплоденъ, мертвъ. Но Божій пламень
Чудесно сонъ его прервалъ.

Изъ тучи огненной скатилась
Однажды яркая стрѣла,
И въ камень дремлющій вонзилась,
И въ немъ источникъ добыла:
Изъ груды раненой тутъ дивно
Струя ударила... Съ тѣхъ поръ
Токъ искрометный непрерывно
Изъ плѣна рвется на просторъ.

Оттуда Башня вѣковая
Влечетъ къ себѣ избытокъ водъ
И ихъ столицѣ раздаетъ,
Въ бассейны весело вливая.
Стремятся къ Башнѣ воды тѣ
Черезъ каналъ подземный, тёмный,
И надѣляютъ вполнотѣ
Резервуаръ ея огромный.
Безсонно плескъ тамъ говоритъ,
И струй вмѣстилище дрожитъ.
Но въ часъ вечерній на мгновенье
Утихнетъ звонкое паденье,
И воды говоръ прекратятъ,
Какъ будто отдыха хотятъ.

И на нѣмые башни своды
Повиснетъ будто тяжесть думъ...
Но мигъ прошелъ — и хлынутъ воды,
И снова грохотъ, плескъ и шумъ! (2)
И снова льется въ наше тѣло
Бальзамъ холодный и живой,
Чтобы крѣпчало и свѣтлѣло
Оно всегдашней чистотой.

И, диво темнаго народа,
Стоитъ незыблемо *она*,
Такъ неразгаданно мрачна...
И стрѣлы молнійнаго свода
Безсильны, тупы передъ ней,
И не дерзнулъ коснуться ей
Пожаръ двѣнадцатаго года!

ГРОЗА.

Мглою огненно-зыбучей
Вдругъ одѣтъ небесный сводъ. . .
Кто его стопой могучей
Попираетъ и гнететъ?
Грудь, раздвинься! сердце, шире!
Къ намъ нисходитъ Саваоѳъ,
Въ ужасающей порфирѣ
Молній, мрака и громовъ.

Это Тотъ, предъ Кѣмъ дымился,
Трясся нѣкогда Хоривъ,
Кто Израилю явился
Безпощаденъ и ревнивъ;
Кто вѣщалъ среди тревоги
Бурныхъ тучь, огонь клубя:
Я твой Богъ, иные боги
Да не будутъ у тебя!

Это Древній, Кто обильно
Сыплетъ вѣрнымъ благодать...
Мы ль откажемся безсильно
Богу страшному внимать?
О, ревите бури, громы,
Повторяйте рѣчь Творца!
Да возлюбимъ Одного мы,
Не сольемъ себѣ тельца!

МОЛИТВА.

На ложѣ холодномъ, въ одну изъ ночей,
Я плакалъ отъ горя, заботъ и страстей,
Весь полонъ былъ грусти томительной, смутной,
И тщетно, въ уныньи, дремотой минутной
Алкалъ успокоиться: не было сна.
Вокругъ почивала на всемъ тишина,
А грудь моя билась, и сердце звучало,
Какъ будто нашествія тайнъ ожидало,
И каждый ударъ его въ кельѣ глухой
Гремѣлъ, отдавался, какъ молота бой.

Вдругъ сердце застыло, пресѣклось біенье,
Душа замерла, потемнилося зрѣнье;
Не помню печалей, не помню я бѣдъ...
И вдругъ налетѣлъ неиспытанный свѣтъ,
И лоно небесъ неприступныхъ открылось,
И тамъ, надъ звѣздами, въ пучинѣ святой
Великое взору видѣнье явилось,
И духъ оковало, духъ страстный, земной:
Увидѣлъ я образъ блаженный и вѣчный,
Ликъ Старца, Который въ хаосѣ нѣмомъ
Раскинулъ созданія храмъ безконечный,
Слилъ чудныя массы могучимъ перстомъ...

Онъ смотритъ на міръ Свой всевидящимъ окомъ
И всю обнимаетъ природу какъ дочь,
И благость отъ ризъ Его брызжетъ потокомъ
Сквозь сумракъ и полную трепета ночь;
И носятся съ арфами свѣтлаго рая
Предъ Нимъ херувимы, всю твердь оглашая...

О, какъ лучезарнѣе сонма Онъ ихъ,
Чистѣйшій межъ чистыхъ, святой во святыхъ!

Что жъ? весь я безгласенъ и грудь бездыханна,
А небо глубокою пѣснью дрожитъ,
И все, что Имъ создано, хоромъ гремитъ:
Осанна, осанна!

Ахъ, вотъ къ чему сердце, мечты, произволъ
Должны устремлять мы отъ берега золъ!
Ахъ, вотъ гдѣ источникъ блаженства, отрады,
Завѣтъ утѣшенія, счастья, награды!

О вещественный свѣтъ,
Суета всѣхъ суетъ!
Какъ въ тебѣ все ничтожно,
Все презрѣнно и ложно!

Творецъ безначальный! мой духъ пробуди,
Зажги теплоту въ онѣмѣвшей груди!
Наполни спокойствіемъ плоть мою, кости,
Очисти отъ гнѣва, очисти отъ злости!

Дай мнѣ поражающій голосъ трубы,
Чтобъ могъ возвѣщать я святыя судьбы;
Чтобъ дрогнули дебри, проснулись пустыни,
Услышавъ могучую рѣчь о святынѣ;
Вложи побѣдительный пламень въ уста!
Одѣнь мои плеча въ доспѣхи Креста!
Какъ мудрую благость, пошли мнѣ страданья,
Но сердце опрысни дождемъ упованья,
Но вялую душу сначала напой
Надеждъ умилительныхъ сладкой росой!

Или, о Владыка, о Царь благодатный,
Противенъ Тебѣ мой сосудъ неопрятный?
Иль сердцу, кипящему чернымъ грѣхомъ,
Не можетъ быть свѣтъ благодати знакомъ?
Иль умъ мой тяжелый, въ мечтахъ омраченныхъ,
Не выльетъ въ сіяніи тайнъ сокровенныхъ?
Или мой лукавый и скверный языкъ
Не можетъ разсказывать, какъ Ты великъ?
Не можетъ вознесть Тебѣ воплей хваленья,
Глубокихъ рѣчей чистоты и смиренья?

Пролей же Ты ярость и тернъ истреби!
Исторгни мой духъ и меня погуби,
Какъ сѣмя преступное, низкое, злое,
Къ божественнымъ тайнамъ и чувствамъ нѣмое!
Земля да не носитъ, не держитъ того,
Кто славить не можетъ Творца своего!

СОНЪ ЛОМОНОСОВА.

Корабль на парусахъ летѣлъ,
Торжественно шумѣли волны.
Поэтъ, задумчивости полный,
Въ даль моря грознаго смотрѣлъ.
Валы, вздымаясь изъ пучины,
Стремясь одинъ другому вслѣдъ,
Несли корабль какъ исполины.
Казалось, дикостью картины
Былъ занятъ, увлеченъ поэтъ...

Уже къ закату день клонился;
Вотъ въ бездны лучезарный шаръ
Великолѣпно погрузился...
Какъ ѳиміамъ, вечерній паръ
Надъ присмирѣвшими волнами
Поднялся дымными холмами;
Одѣлось море тишиной.
Склонясь усталой головой,
Поникнувъ томными очами,
Поэтъ себя и міръ забылъ...
Сонъ благотворными крылами
Его зѣницы осѣнилъ.

И въ тонкомъ снѣ поэтъ печальный
Мятется робкою душой...
Онъ видитъ бытъ патріархальный,
Всю простоту страны родной:
Подъ яркой крышею соломы
Свѣтлѣютъ низменные домы
Миролюбивыхъ рыбаковъ;
Обремененные сѣтями,
Ихъ челноки стоятъ рядами
У безопасныхъ береговъ.

Здѣсь тяжкій неводъ выгружаютъ,
Тамъ на разложенномъ огнѣ
Кипитъ котелъ, а вотъ играютъ
И дѣти, празднуя веснѣ.
Все мило, радуетъ поэта;
Не помнитъ онъ волненья свѣта,
Разлуки съ родиной святой.
Опять жилецъ безпечный дома,
Въ семьѣ привѣтливой, родной,
Со всѣмъ душа его знакома.
Онъ видитъ сверстниковъ — друзей
Минувшей юности своей.
Онъ раздѣляетъ отъ охоты
Съ отцомъ домашнія заботы,
И на ловитву ѣдетъ съ нимъ;
Вотъ по равнинамъ голубымъ
Шумъ кроткихъ веселъ раздается,
Ладья пучиною несется,
Изъ виду темный берегъ скрытъ;
Вдругъ набѣжали сверху тучи,
Сорвался съ цѣпи вѣтръ могучій,
И море грозное бурлитъ.
Куда пловцы свой взоръ ни кинутъ,
Вездѣ ужасно и темно;

И вдругъ челнокъ ихъ опрокинутъ...
Отецъ и сынъ идутъ на дно,
Добыча бездны разъяренной...
Но сынъ трепещущій мгновенно
Спасенъ отъ хищной глубины:
Онъ очутился на стремнинѣ,
Въ необитаемой пустынѣ,
Среди могильной тишины;
И нарушаютъ лишь молчанье
Стонъ хищныхъ птицъ да вой волковъ,
И ощутительно дыханье
Во мглѣ скрывающихся льдовъ.
Въ немъ сердце дрогнетъ, замираетъ,
Пугливый взоръ его блуждаетъ...
Пустынѣ дикой нѣтъ конца.
Но вдругъ, о ужасъ! сынъ смятенный
На камнѣ видитъ трупъ отца,
Безъ жизни, черепъ раздробленный...

И чары сна изнемогли:
Стеня страдалецъ пробудился;
Ручьи изъ глазъ его текли,
И передъ нимъ во мглѣ носился,

Мелькая, призракъ гробовой...
Чья тѣнь, прощаяся съ землей,
На вѣчный отдыхъ отлетала
И будто съ милаго лица
Вперенныхъ взоровъ не спускала?
То тѣнь почившаго отца,
Который въ скорбную кончину
Еще стремился сердцемъ къ сыну...

КОЛОКОЛЪ ВЪ КРЕМЛѢ.

Въ короткій, мгновенный періодъ свиданья
Съ Москвой бѣлокаменной, (3) духъ веселя,
Блуждалъ я и видѣлъ громадныя зданья,
Всю прелесть и древнюю пышность Кремля:
И поясъ могучихъ твердынь величавый,
И рядъ сокрушительныхъ, мѣткихъ бойницъ,
И храмовъ сіяющихъ жаркія главы,
И святость обильныхъ мощами гробницъ.

Плѣнительно сердцу, свѣжо и прекрасно,
При взглядѣ на эти знамена вѣковъ!
О, какъ повѣствуютъ они громогласно
Про славу и доблести пылкихъ отцовъ!
Какъ эти кресты своей жаркой игрою
Великихъ событій являютъ символъ!
И какъ отъ нихъ дышетъ святой стариною,
И сыплется рѣзко о прошломъ глаголъ!

Но, чаще всего, я съ туманною думой,
Съ безвѣстною грустью невольно смотрѣлъ
На образъ возвышенный доли угрюмой,
Столь часто достоинству данной въ удѣлъ.
Тамъ видѣть любилъ я, дивясь, великана,
Который безмолвно, во снѣ вѣковомъ,
Простертъ у священной подошвы Ивана
На ложѣ гранитномъ, съ суровымъ челомъ.

Онъ, нѣкогда въ тяжкомъ паденіи раненъ,
Въ темницѣ сырой погружался сто лѣтъ,
И царственной массою чуденъ и страненъ,
Вотъ вызванъ изъ мрака дивить бѣлый свѣтъ...

Съ глубокимъ клеймомъ роковаго паденья,
Въ позорище міру слѣпому открытъ,
Увѣнчанъ блестящимъ символомъ спасенья,
Крестомъ лучезарнымъ, онъ гордо стоитъ.

И люди приходятъ толпой къ великану,
Посудятъ про тяжесть и лѣта его,
Посмотрятъ на дивную, тяжкую рану,
И всторону съ шумомъ идутъ отъ него.
Ихъ взоры, желанья, мечты — близоруки,
Одно любопытство къ нему ихъ ведетъ,
И имъ непонятны глубокіе звуки,
Которыхъ волну онъ таинственно льетъ:

„И зачатъ и созданъ я съ цѣлью великой,
Съ высокимъ призваньемъ... Хотѣлъ бы звучать,
Разсыпаться музыкой грозной и дикой
И ревомъ неслыханнымъ землю обнять;
А рокъ, мой убійца, холоднымъ закономъ
Судилъ вѣковѣчно безмолвствовать мнѣ, —
И я не дрожу сокрушающимъ звономъ,
Нѣмѣтъ обреченный въ бездѣйственномъ снѣ.

„Мнѣ слышится часто хоръ младшихъ собратій,
Гудѣнье нестройное, рѣзвый трезвонъ,
И въ горнія нѣдра воздушныхъ объятій
Тщеславно несется ихъ лепетъ и стонъ.
И люди, собравшись, толкуя убого,
Дивятся имъ слѣпо... но это звонки:
И слышны и громки, затѣмъ что ихъ много!
Повисли высоко, затѣмъ что легки!

„Не трудно привесть ихъ въ порывъ и движенье,
Не трудно разгулъ имъ ликующій дать,
Отъ сна возбудить ихъ веселое пѣнье
И вновь нѣмотою ихъ голосъ сковать.
Нѣтъ, если бъ кто долгій мой сонъ уничтожилъ,
Нѣтъ, если бы кто мой языкъ разомкнулъ,
Какой бы торжественной пѣснью я ожилъ,
Какой бы я пролилъ неслыханный гулъ!..

„Но хилы и немощны слабые люди,
Не вынесетъ звуковъ могучихъ ихъ слухъ,
Безсильны и чахлы ихъ тѣсныя груди,
Тревожливо сердце и робокъ ихъ духъ.

Мой вопль необузданно-дикій оглушитъ
Ихъ ухо, привычное мирно дремать;
Мой громъ неумолкный покой ихъ нарушитъ,
Положитъ на сердце ихъ — смуты печать.

„И я не жалѣю, что въ ухѣ презрѣнномъ
Не стану великою пѣснью гремѣть. . .
Я буду въ покоѣ глухомъ, неизмѣнномъ:
Я буду молчать и вѣка цѣпенѣть.
И такъ вы, о люди, меня не пугайтесь,
Дремлите безпечно на ложѣ своемъ,
И въ праздности суетной мнѣ удивляйтесь,
Созданья беззвучныя въ мірѣ нѣмомъ!“

ПРЕКРАСНОЙ.

Пойметъ ли свѣтъ, мятежный и коварный,
Пойметъ ли свѣтъ, безчувственно-слѣпой,
Твоей души свѣтильникъ лучезарный,
Души невинной, ясной и простой?
Ты въ немъ блестишь, какъ камень самоцвѣтный,
Какъ радуга, божественно-мила;
Ты въ немъ символъ святой, новозавѣтный,
Кругомъ тебя языческая мгла.

Ахъ, свѣтъ готовъ страстей волною жгучей
Облить твою младенческую грудь!
Бѣги съ душой, весенней и пахучей,
Бѣги отъ насъ, и черный міръ забудь!
Спѣши туда, гдѣ лѣсъ и дикій камень
Въ пустынной тишинѣ глубоко спятъ,
Гдѣ землю окрестилъ волкановъ пламень,
Гдѣ воздухъ чистъ, живителенъ и святъ...
О, тамъ тебя не тронетъ уязвленье,
Не потемнитъ ничто твой райскій блескъ,
Ни зависти змѣиное шипѣнье,
Ни ядъ страстей, ни міра злобный плескъ!

АРТИСТЪ-МУЗЫКАНТЪ. (4)

„Скажи, художникъ, гдѣ похитилъ
Смычекъ чарующій ты свой?
Какъ овладѣлъ имъ и насытилъ
Нашъ слухъ магической игрой?"

— Не удивляйтесь этимъ звукамъ,
Въ нихъ жизнь мятежная дрожитъ!
Я обреченъ былъ раннимъ мукамъ,
Несъ бѣдность, горести и стыдъ.

Тамъ, за пучиной моря дальной,
Любовь къ искусству затая,
Въ странѣ суровой и печальной
Какъ сынъ цѣпей влачился я.
Тамъ охладительныя нужды
Терпѣньемъ гналъ я предъ собой...
Но мнѣ привѣты были чужды:
Никто на трудъ безсонный мой,
На сокровенныя мечтанья
И къ долѣ избранной любовь
Не обратилъ тогда вниманья,
Не взволновалъ мнѣ славой кровь.—
Но то, что васъ влечетъ, волнуетъ,
Что сильно васъ во мнѣ дивитъ,
И поражаетъ и чаруетъ —
Не мнѣ оно принадлежитъ.
Я не достигъ моимъ терпѣньемъ,
Всѣмъ жаромъ долгаго труда —
Того, что чуднымъ вдохновеньемъ
Вы именуете всегда.
О, не изгладится страданье
Навѣкъ въ моемъ воспоминаньѣ,
Когда, презрѣнный отъ судьбы,
Презрѣнный также отъ толпы,

Роптал я, плакал, как ребенок
В досадной тѣснотѣ пеленок...
В тот миг, отчаянія полн,
Подумал я: хоть бездна волн
Меня б от жизни поглотила
И мук земных освободила —
Я был бы рад, чѣм дни влачить
В таком позорѣ и стѣсненьи,
Чѣм безполезно жизнь губить
В непросвѣтимом заблужденьи.
Потом мнѣ в голову зашла
Невольно мысль о силѣ зла,
Той силѣ мстящей и мятежной,
Как жало смерти неизбѣжной,
Чью роковую власть вовѣк
Не разгадает человѣк.
Я думал: если нѣт спасенья
От вѣчных бурь и потопленья,
И если братья-люди всѣ
Мнѣ в чувствѣ сердца отказали,
И рока алчнаго косѣ
В потраву бѣдственную дали, —
Явись хоть ты, о демон зла,
Посланник силы душегубной,

Пріосѣнить мои дѣла
Твоею лаской дружелюбной!
Хоть ты, таинственная власть,
Почти мой жертвенникъ привѣтомъ,
И возбуди огонь и страсть
Въ глухомъ, болящемъ сердцѣ этомъ,
И противъ бѣдствій дай броню,
Да тщетныхъ слезъ я не роню! —
И что же? Воззванная сила
Мгновенно мнѣ себя явила.
Я не былъ въ тяжкомъ забытьи,
Въ какой нибудь горячкѣ знойной,
Глаза угрюмые мои
Глядѣли съ ясностью спокойной.
Безъ грезъ и низкихъ страховъ, я
Вдругъ вижу гостя у себя:
Слетѣлъ пришелецъ безтѣлесный
Подъ кровъ мой нищенскій и тѣсный,
Взялъ тихо, съ блескомъ на челѣ,
Смычекъ и скрыпку на столѣ,
И покоряясь произволу
Восторговъ странныхъ, сталъ играть...
Я думалъ, радостный, внимать
Вихрепоющему Эолу...

И долго мощная рука
Смычекъ пирующій водила,
И въ полныхъ жизнію струнахъ
Восторгъ и плачь производила,
Раждала гнѣвъ, любовь и страхъ.
Недосягаемые звуки!
Палящей скорби и страстей
Громонеистовый ручей!
Въ тѣхъ стонахъ, стонахъ бѣдъ и муки,
Жалѣлъ, оплакивалъ онъ рай...
Но вотъ умолкнулъ духъ враждебный,
И мнѣ подавъ смычекъ волшебный,
Печально молвилъ: „на, играй!"
Потомъ исчезъ. — Судьба съ тѣхъ поръ
Ко мнѣ смягчила приговоръ:
Я сталъ надѣяться успѣха,
Не трепетать стыда и смѣха.
Съ тѣхъ поръ, едва касаюсь струнъ,
Летитъ съ нихъ сила и перунъ,
И звуковъ цѣлая пучина,
Клокоча, рвется на просторъ —
Для самого меня причина
Неразрѣшимая. Съ тѣхъ поръ,

Надменный, гордый и лукавый,
Мнѣ улыбнулся призракъ славы,
И запоздалою молвой
Я удостоенъ былъ толпой.

Теперь, ласкаемый привѣтомъ,
И жизнь въ искусство обративъ,
Дѣлюсь я звуками со свѣтомъ,
Ему несу смычка порывъ,
Какъ дорогое достоянье,
Какъ мой высокій капиталъ. . .
Но въ торжествѣ рукоплесканья,
Среди восторговъ и похвалъ,
Ко мнѣ мысль грустная тѣснится,
Что я всѣмъ счастіемъ моимъ
Обязанъ демону; что съ нимъ
Я подружился; что кружится
И день и ночь онъ близъ меня;
Мой слухъ насмѣшливо дразня,
Мнѣ тоны шепчетъ ежечасно,
И управляетъ самовластно

Его безплотная рука
Огнемъ летучаго смычка.
Тогда моей стыжусь я славы,
И грудь сосетъ змія отравы;
Читаетъ внутренній мой взоръ
Неотразимый тотъ укоръ,
Что съ сыномъ вѣчнаго паденья
Вошелъ я въ грѣшныя сношенья,
И содрогаюсь, плачу я,
Какъ злополучное дитя. . .

И такъ, что васъ влечетъ, волнуетъ,
Что сильно васъ во мнѣ дивитъ,
И поражаетъ и чаруетъ —
Не мнѣ оно принадлежитъ
Я не достигъ моимъ терпѣньемъ,
Всѣмъ жаромъ долгаго труда —
Того, что чуднымъ вдохновеньемъ
Вы именуете всегда!

И какъ свѣтло и какъ прекрасно,
Когда на сводѣ голубомъ
Горитъ, пылаетъ солнце красно
Въ полудни яркомъ, золотомъ!
Лучи его текутъ какъ волны,
Пространный міръ животворя;
Всѣ твари новой жизнью полны
Отъ силъ безсмертнаго царя.

Но вотъ великое свѣтило,
Склонивъ вѣнчанное чело,
На яркихъ лаврахъ опочило,
Въ зари багряныя легло...
Угасъ гигантъ, и мракъ угрюмой,
Распростираясь надъ землей,
Обвилъ ее, какъ тяжкой думой,
Широкотѣнной пеленой.
И будто заключенъ въ оковы,
Міръ неподвиженъ, глухо спитъ...
Кто совлечетъ съ него покровы
И прелесть дня возстановитъ?

ПОКОЙНИЦА.

Милыя дѣвы, кого убираете пышно цвѣтами,
  Будто готовя къ вѣнцу? Такъ, есть невѣста у васъ:
Рѣзвая ваша подруга, вашъ цвѣтъ, обручилася съ гробомъ,
  Въ немъ какъ живая лежитъ, мирнымъ объятая сномъ.
Кажется, видитъ она быть веселый, сторону счастья,
  Видитъ и хочетъ сказать, какъ хорошо ей вгостяхъ...
Только уста разомкнуться для рѣчи готовой не могутъ:
  Мысль блуждаетъ на нихъ, тайны полна неземной.

КУКУШКА.

Благовѣщенье настало,
День великой и святой:
Солнце радостью сіяло,
Веселился міръ земной.

Православные спѣшили,
Умиляясь, къ алтарямъ;
О житейскомъ не тужили,
Обратившись къ небесамъ.

Сладко ихъ лилися хоры,
Бога славя и моля...
Имъ сочувствовали горы,
Воды, пропасти, поля.

И лѣса благоговѣли,
Оглашалася ихъ сѣнь:
Птицы радостныя пѣли,
Величая Божій день.

Лишь одна Творца забыла,
Звуковъ славы не дала,
Дня святаго не почтила
И гнѣздо себѣ свила.

Какъ! Свила гнѣздо въ то время,
Безразсудная, когда
Цѣлый міръ откинулъ бремя
Дѣлъ житейскихъ и труда?

Богъ судилъ за то виновной
Безъ пристанища вѣкъ быть,
Въ чащѣ странствовать дубровной
И птенцовъ не выводить.

Съ той поры она летаетъ
Безпріютно по лѣсамъ,
Своего гнѣзда не знаетъ
И чужда своимъ дѣтямъ.

Съ той поры она тоскуетъ,
Нѣтъ привѣта въ мірѣ ей:
Одинокая кукуетъ
Въ темнотѣ глухихъ вѣтвей.

СХИМНИКЪ.

Обитель затворниковъ ночи покровомъ
Одѣлась. Но въ кельѣ, на ложѣ суровомъ
Безъ сна простирался монахъ молодой;
Давилъ его сумракъ печальный, густой,
Давило и пасмурныхъ сводовъ молчанье,
И млѣло въ немъ сердце, стѣснялось дыханье,
И не было тихой мольбы на устахъ.
Душой волновался смущенный монахъ,

И роемъ ходили въ немъ скорбныя думы:
„Такъ ночи и дни мои вѣчно угрюмы...
Міръ Божій прекрасенъ, прекрасенъ весь свѣтъ,
Лишь въ этихъ стѣнахъ утѣшенія нѣтъ!..
Тамъ лица весельемъ и свѣжестью блещутъ,
Сердца согрѣваются, жаромъ трепещутъ,
А здѣсь одиночество, мракъ, пустота,
Страшитъ безконечныхъ ночей долгота, —
И, жертвенникъ подвиговъ мертвыхъ, безплодныхъ,
Какъ будто въ объятіяхъ гроба холодныхъ,
Среди безотвѣтныхъ, удушливыхъ стѣнъ,
Жизнь медленно стынетъ — жизнь иго и плѣнъ...“

Вдругъ утренній благовѣстъ громко раздался;
Въ обители мигъ усыпленья прервался,
И бодрые старцы къ молитвѣ святой
Стеклися во храмъ. Что жъ монахъ молодой?

Не слышитъ онъ тихаго голоса братій,
Но звонъ его душу исторгъ изъ объятій
Ночнаго мечтанья: онъ вздрогнулъ, молчитъ...
Въ ушахъ его благовѣстъ мощный звучитъ,

И стонетъ протяжно, какъ плачъ сокрушенья,
И вопитъ надъ нимъ, какъ глаголъ обвиненья. . .
Онъ вспомнилъ Небесъ неизмѣнный завѣтъ
И данный Творцу добровольно обѣтъ,
Слова отреченія, клятву страданья,
И ночи послѣдней мятежъ и роптанья;
И ужасъ родился въ монахѣ нѣмомъ. . .
Онъ хочетъ святымъ осѣниться крестомъ —
Но съ груди не въ силахъ рука приподняться,
И персты сомкнулись и тяжко томятся;
Онъ хочетъ моленія шопотъ издать —
Уста измѣняютъ, не могутъ вѣщать;
Онъ хочетъ заплакать и жаждетъ потока
Слезъ теплыхъ — но слезы не льются изъ ока. . .
Лишь утренній звонъ раздается въ ушахъ,
И стонетъ надъ нимъ, и трепещетъ монахъ!

Куда летишь, сожженный пыломъ
Души безумной, молодой?
За этимъ губящимъ свѣтиломъ,
За этой радужной красой?

Ты потонулъ, дитя, въ пучинѣ,
И сиротѣющій твой чёлнъ,
Какъ жертва бурь, несется нынѣ
По мрачной безднѣ мрачныхъ волнъ!

УТѢШЕНІЕ.

Съ закатомъ тихій мракъ на землю опускался,
Величественный сводъ звѣздами убирался,
И точками, едва примѣтными, онѣ
Являлись чередой на ясной вышинѣ.
Рабъ горестей земныхъ, житейскаго волненья,
Къ нимъ поднялъ я глаза — и чувство утѣшенья,
Невѣдомое мнѣ дотолѣ, ощутилъ:
Безчисленность вдали затепленныхъ свѣтилъ,

Святая глубина небесъ, ихъ безконечность
Представили душѣ таинственную вѣчность...
Мятежный сынъ земли! себѣ я говорилъ:
Что значатъ всѣ твои мгновенныя страданья?
Предъ зрѣлищемъ небесъ умолкнуть имъ должно...
Впередъ не изъяви безумнаго роптанья
И вѣрь: твоей душѣ безсмертіе дано.

ТРОЙЦЫНЪ ДЕНЬ.

Благость Божія незримо
Къ міру дольнему сошла,
И земля неизъяснимо
Благолѣпна, весела:
Праздникъ свѣтлый, праздникъ новый
Дивно зиждется на ней;
Облеклась она въ покровы —
Въ зелень рощь, узоръ полей.

Вся природа, встрѣтивъ лѣто,
Гимны радости поетъ;
Небо яхонтомъ одѣто,
Жарко вызолоченъ сводъ,
И на немъ горитъ великій,
Немерцающій алмазъ,
Будто вѣчнаго Владыки
Неусыпно-бдящій глазъ.

Неба горнія селенья
Торжествомъ озарены:
Тамъ, у трона Провидѣнья,
Плещутъ свѣтлые чины;
Трисвятаго именуютъ
И поютъ предъ высотой,
Гдѣ, сліясь въ одно, ликуютъ
Сынъ, Отецъ и Духъ Святой.

Передъ сонмищемъ нетлѣннымъ
Распустился Божій садъ,
И жильцамъ присноблаженнымъ
Спѣетъ райскій виноградъ.

Вьются радостныя кущи
Подъ сіяніемъ вѣнцовъ:
Ихъ поставилъ Всемогущій
Для веселія духовъ.

И ко смертнымъ отъ ѳѳира
Торжество перенеслось,
Эхомъ благости и мира
На землѣ отозвалось.
И земля, пируя свято,
Клонитъ Господу чело:
Все мольбой на ней объято,
Благочестіемъ свѣтло.

И залогъ небесной славы,
Откровенія печать,
На Апостольскія главы
Сходитъ Духа благодать..
И постигли чинъ великій
Вдохновенныя сердца,
И влекутъ они языки
Къ разумѣнію Творца!

СИРОТА.

Передъ домомъ богача
У воротъ стоитъ стуча
    Бѣдная сиротка.

Слезка виснетъ на глазу,
Тихо третъ она слезу
    Кончикомъ платочка.

Видно, горе въ ней живетъ,
Чувство раннее заботъ,
Съ жизнью неразлучныхъ.

Беззащитна и бѣдна,
Видно, чуетъ ужъ она
Долю злополучныхъ.

Что же, милая, кольцомъ
Шевелишь ты у хоромъ,
Гдѣ тебя не знаютъ?

Гдѣ нѣтъ жалости давно
И спѣсиво за окно
Нищимъ хлѣбъ кидаютъ?

И тебѣ ли, сирота,
Отопрутъ здѣсь ворота,
Если на запоръ?

Тутъ живетъ торгашъ-купецъ,
Онъ тебѣ вѣдь не отецъ,
Не утѣшитъ въ горѣ.

У него сынъ молодой,
Онъ женихъ, да не съ тобой
Будетъ обручаться.

Есть толпа усердныхъ слугъ,
Не тобой они, мой другъ,
Рады заниматься.

Ахъ, не жди себѣ добра,
Отъ высокаго двора,
Гдѣ лишь много лоску!

Не стучися цѣлый день,
Ты нашла на мертвый пень:
Нѣтъ въ немъ отголоску.

Дочь убогой простоты,
Не слыхала развѣ ты
Словъ сердитыхъ, лаю?

Ненавидя нищету,
Здѣсь отгонятъ сироту,
Спустятъ борзыхъ стаю.

Не смотри на этотъ домъ!
Лучше, милая, пойдемъ
Въ бѣдную лачугу.

Вонъ-что прячется въ землѣ
И темна.., но въ этой мглѣ
Ты найдешь услугу.

Въ этой хижинѣ живутъ
Тѣснота, безмолвный трудъ,
Бѣдность и терпѣнье;

Холодъ, голодъ... нужды нѣтъ:
Ты услышишь тамъ привѣтъ,
Ласку, утѣшенье.

Тамъ есть другъ тебѣ родной,
Сходный жребіемъ съ тобой,
Братъ твой малолѣтный:

То жъ наслѣдство — нищета;
Какъ и ты онъ сирота,
Въ мірѣ безпривѣтный.

Да: подъ крылышкомъ роднымъ,
Отъ одной груди вы съ нимъ
Нѣкогда питались;

Вмѣстѣ плакали, какъ мать
Уставала васъ качать;
Вмѣстѣ пеленались.

И игрушки васъ однѣ
Забавляли въ тишинѣ
Пасмурной лачуги...

И на жизнь одной канвы
Рокомъ брошены ужъ вы,
Жалостные други!

ЛУНА.

Издалека звѣзды блещутъ,
Слабо свѣтъ роняя свой,
И завистливо трепещутъ,
Помраченныя луной:
Выполняя чинъ царицы
На поляхъ небесъ, она
Изъ серебряной свѣтлицы
Возстаетъ убѣлена.

Небо, радуясь богинѣ,
Развиваетъ синій сводъ
И къ лазоревой вершинѣ
Ненаглядную ведетъ.
Въ облакахъ купаясь вольно,
Подымается луна
И глядитъ самодовольно
На земныя племена . .

СОНЕТЪ.

Зачѣмъ, о дѣва-красота,
Владѣешь грудью ты лилейной?
Зачѣмъ улыбкой чудодѣйной
Твои красуются уста?

Ты вся любовь и вся мечта...
Полна ты жизни беззатѣйной
И дышешь нѣгой тиховѣйной,
Огнемъ и свѣтомъ налита!

О, какъ роскошно, какъ отрадно
Отдать себя тебѣ во власть,
И предъ тобою, ненаглядной,
Въ восторгѣ трепетномъ упасть,
И языкомъ лобзаній жадно
Ввѣрять тебѣ нѣмую страсть!

СВѢТЪ И МРАКЪ.

На сводѣ утреннемъ, въ торжественность одѣтомъ,
Едва зажжется день, обильный теплотой —
Какъ весело душѣ, обрадованной свѣтомъ!
Несетъ ее мечта въ міръ высшій и святой.
Летитъ она какъ звукъ, какъ бабочка порхаетъ,
И вьется надъ землей, тамъ, гдѣ предѣловъ нѣтъ,
И въ солнечныхъ лучахъ блаженство почерпаетъ...
Не родина ль души днемъ царствующій свѣтъ?

Когда же по лицу земному чередою
Задумчивая ночь раскинется во мглахъ
И опояшетъ міръ глубокой тишиною —
Невѣдомый душа испытываетъ страхъ.
Томитъ ее какъ цѣпь свинцовое молчанье,
И призраки встаютъ и носятся во мглѣ,
И чувствуетъ она невольно содроганье,
Въ насильственныхъ мечтахъ о гибели и злѣ.
Ей душенъ этотъ мракъ и страшенъ какъ могила...
Не царствуетъ ли въ немъ отверженная сила?

Разыгралось сине море —
Волны мечутся, кипятъ,
И въ неистовомъ раздорѣ
Потопленіемъ грозятъ.

Кто надъ бездной власть докажетъ,
Ярость дикую уйметъ
И безмолвіемъ обяжетъ
Глубину ревущихъ водъ?

Для мятежной ихъ гордыни
Нѣтъ препоны никакой...
Сокрушаются твердыни
Передъ бездной роковой.

Такъ бунтующія страсти
Въ сердцѣ пламенномъ кипятъ...
Чей разсудокъ гордой власти
Подчинитъ ихъ страшный адъ?

Чуждъ границъ и мѣръ не знаетъ
Ихъ свирѣпый произволъ:
Запылавши, потопляетъ
Въ безднѣ ярыхъ смутъ и золъ.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Столицы шумной житель новый,
Чудесъ я много вижу здѣсь,
И поражаться всѣмъ готовый,
Предъ свѣтомъ умъ теряю весь.
Но сердце какъ-то суевѣрно
Права завѣтныя хранитъ
И дружбѣ свѣта лицемѣрной
Предаться разомъ не спѣшитъ.

Хоть каждый день, смущеннымъ взоромъ
Невольно къ міру полетѣвъ,
Блестящихъ прелестью, уборомъ
Я вижу здѣсь роскошныхъ дѣвъ,
Хоть каждый день ихъ блещутъ очи
Передо мной свѣтлѣе звѣздъ, —
Однако мнѣ въ видѣньяхъ ночи
Все снится дѣва дальнихъ мѣстъ,
Тѣхъ мѣстъ отрадныхъ, гдѣ, бывало,
Сиротка утренней порой,
На грудь накинувъ покрывало,
Бѣжитъ съ кувшиномъ за водой,
И вотъ домчится: милымъ станомъ
Сгибаясь, черпаетъ въ рѣкѣ,
Отъ водъ поднявшимся туманомъ
Полузакрыта вдалекѣ;
И вотъ спѣшитъ она въ свѣтлицу,
Такъ восхитительно-стройна...
А я гляжу все на дѣвицу
Изъ одинокаго окна.

ДЕМОНЪ.

Ты тихъ, спокоенъ, ты молчишь,
Въ углу задумчиво сидишь,
Чело подернуто туманомъ;
Но вдругъ, какъ чуднымъ талисманомъ
Внезапно пробужденъ отъ сна,
Встаешь, бѣжишь, тебѣ тѣсна
Глухая, темная лачуга,
Въ твоей груди запѣла вьюга,
Забилась шумная волна...

Какъ подъ огнемъ металла слитокъ
Сверкаетъ, полонъ жаркихъ силъ,
Такъ распаялъ, опламенилъ
Тебя звучащій сердца пылъ
И думъ стремительныхъ избытокъ...
Но кто, скажи, твой духъ исторгъ
Изъ мрачныхъ узъ оцѣпененья?
Кто сообщилъ тебѣ восторгъ
И бурный трепетъ изступленья?

Ахъ, это гость чудесный твой,
Другаго міра странный житель,
Духъ-чародѣй, духъ-возмутитель,
Гремящій молніей и мглой!

МОЛИТВА ИВЕРСКОЙ.

Источникъ отрады священной и чистой,
О жаркія слезы! Безъ звука, безъ словъ,
Я лилъ васъ предъ Образомъ Дѣвы Пречистой,
Предъ Образомъ древнимъ, что столько вѣковъ
Чудесно стоитъ у завѣтной твердыни,
И въ свѣтлыхъ лампадахъ не гаснетъ елей,
И съ вѣрой, съ молитвами дивной святыни
Устами касаются роды людей.

И въ радости сердца, въ мечтѣ непонятной,
Я долго предъ Образомъ древнимъ стоялъ,
И рдѣлъ милосердіемъ ликъ Благодатной,
И трепетнымъ людямъ покровъ обѣщалъ.
И внутреннимъ голосомъ несъ я моленья:
О дай, Непорочная, жизни святой,
Дай чистыхъ желаній, дай слезъ и терпѣнья,
И думъ изступленныхъ мятежъ успокой!

СВѢТЛОЕ ВОСКРЕСЕНІЕ.

Среди полуно́чи, молчаньемъ обвитой,
Вдругъ Божіи церкви прервали покой,
Какъ свѣчки затеплились ярко, открыто,
И чуднаго свѣта одѣлись игрой.

Но кто же въ красу торжества и веселья
Вдругъ убралъ святое чело алтарей?
Зачѣмъ на нихъ блещутъ кругомъ ожерелья,
Цвѣтутъ золотыя гирлянды огней?

Не это ли дѣвы, готовыя къ браку,
Что всѣхъ на плѣнительный праздникъ зовутъ,
Съ елеемъ горящимъ противятся мраку
И въ жаркихъ мечтахъ обрученнаго ждутъ?

Такъ, это невѣсты: мигъ сладостно-дивный
Ужъ близокъ... И вдругъ загудѣло... Къ звѣздамъ
Помчался торжественно гулъ непрерывный,
Могучая жертва хвалы небесамъ.

И смерти орудія, дочери браней,
Очнулись глубоко, запѣли огнемъ,
Свой плескъ раскаленный изъ мѣдныхъ гортаней
Посыпали громко въ концертъ святомъ.

И сердце звенитъ въ насъ, и движется волосъ...
И все, все слилось, отъ земли до небесъ,
Въ одинъ упоительный, огненный голосъ:
Распятый воскресъ! Погребенный воскресъ!

АБАЛАКЪ. (5)

Страну Кучума, край богатый,
Намъ Богъ чудесно даровалъ.
Еще спокойствіемъ объятый —
Тотъ край судьбы Творца читалъ:
Тамъ предъ невѣрными очами,
На свѣтломъ воздухѣ порой
Вдругъ съ колокольнями, крестами
Являлся городъ золотой;

И съ высоты внезапнымъ звономъ
Дрожащій слухъ былъ пораженъ,
И звѣри дикіе со стономъ
Изъ темныхъ рощь бѣжали вонъ;
Иртышъ багровѣлъ, будто гнѣвомъ
И роковымъ позоромъ полнъ,
И мчался вдаль съ унылымъ ревомъ,
И тяжко бился грудью волнъ.

И вотъ предвѣстья совершились:
Какъ непонятный метеоръ,
Возсталъ Ермакъ... Поработились
Намъ сонмы чуждыхъ рощь и горъ!
Отринулъ рокъ мольбы шамана,
Его сковали страхъ и стыдъ,
И онъ въ лѣса, подъ кровъ шайтана,
Въ безмолвномъ ужасѣ бѣжитъ...

И нѣтъ Кучума, нѣтъ Искера:
Къ народамъ дикимъ, вмѣсто ихъ,
Спѣшила истинная Вѣра,
И шумъ кровавой брани стихъ.

И вотъ, на лонѣ разрушенья,
На лонѣ пасмурныхъ степей,
Ужъ православныя селенья
Стоятъ — отрада для очей.
И свѣтъ блеснулъ въ странѣ суровой,
И тамъ звучитъ иной земли
Одолѣвающее слово,
Тамъ миръ и счастіе взошли.

И вскорѣ созданы тамъ были,
Какъ признакъ жизни и труда,
Какъ центръ промышленныхъ усилій,
Пріюты обществъ — города.
Сперва надъ мирною Турою
Тюмень возвысилась, потомъ
Тобольскъ надъ гордою волною,
Надъ величавымъ Иртышомъ...
И свыше благость Провидѣнья
Пріосѣняла и вела
Плодъ человѣческаго рвенья,
Новорожденныя дѣла.

Уже Тобольскъ стоитъ полвѣка:
Въ немъ быстро всходятъ и растутъ,
И предпріимчивость, и трудъ,
И всѣ успѣхи человѣка.
Уже служители Христа,
Дыша для Вѣры и святыни,
Внесли въ далекія пустыни
Изображеніе Креста;
Уже влекутъ они къ Распятью
Суровыхъ множество сердецъ. . .
Какъ вдругъ обрадовалъ Творецъ
Міръ цѣлый новой благодатью,
Да оживляющійся край
Пойметъ любовь Его яснье,
Кресту поклонится теплье,
Обниметъ свѣтъ, увидитъ рай!

Кого жъ избралъ Онъ, Правосудный,
Орудьемъ благости Своей?
Кто произволъ святой и чудный
Постигъ, услышалъ изъ людей?
О простота, удѣлъ смиренья,
Удѣлъ безвѣстности глухой!

Къ тебѣ слетаютъ откровенья,
Дары Премудрости святой . .
Въ быту сокрытомъ и убогомъ
Ты помнишь Небо лишь одно,
И между смертными и Богомъ
Тебѣ посредничать дано!

Чудесное событіе, составляющее предметъ этихъ слабыхъ страницъ, происходило при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и относится къ 1636 году. Въ Абалакѣ, нынѣ большомъ селеніи, а тогда бывшемъ безлюдною деревнею, жила бѣдная, набожная вдовица Марія. Однажды во снѣ явилась ей Икона Богоматери, отъ которой она слышала голосъ: „встань и объяви людямъ, чтобы здѣсь, во имя мое, построили отъ усердія своего церковь; такъ угодно моему Сыну и Богу." Марія проснулась, но сомнѣваясь въ истинѣ видѣннаго, боялась открывать его. Чрезъ нѣсколько времени видѣніе повторилось наяву, и въ третій разъ, когда она сидѣла въ хижинѣ одна, явился ей на воздухѣ, съ Иконою Богоматери, Угодникъ Николай, угрожая за ослушаніе гнѣвомъ Божіимъ. Упавъ среди хижины, Марія въ стра-

даніяхъ умоляла Богоматерь простить ей безвѣріе; тогда отъ Иконы послышались слова: *трудно ей*, и Марія пришла въ прежнія чувства, а видѣнія уже не было. Она не могла долѣе утаивать видѣннаго и все открыла духовнику своему, прося его, чтобы онъ сообщилъ о томъ людямъ. Но духовникъ, по недовѣрчивости, или изъ опасеній, молчалъ о словахъ Маріи.

Наконецъ, въ четвертый разъ, когда она шла изъ Абалака въ Тобольскъ по житейскимъ надобностямъ, вдругъ на пути поднялся предъ нею облачный столпъ, и въ столпѣ явился опять Угодникъ Николай, съ Иконою Богоматери. Марія остановилась въ ужасѣ. Между тѣмъ Святитель говорилъ ей: „преступная! зачѣмъ не повинуешься судьбамъ Божіимъ? Развѣ хочешь, чтобы за твое ослушаніе терпѣли другіе? Поди, открой все видѣнное тобою міру; если же люди тебя не послушаютъ, тогда не ты, а они будутъ наказаны.“ Видѣнія не стало. Марія насилу могла тронуться съ мѣста, и пришедши въ Тобольскъ, начала всѣмъ разсказывать о чудныхъ явленіяхъ. Народъ толпами стремился на ея слова и громко благодарилъ Бога за ниспосланіе святой воли. И бѣдные и богатые, всѣ хотѣли участвовать въ

исполненіи небеснаго велѣнія — строить въ Абалакѣ церковь. Поспѣшно составили планъ и съ благословенія архіерея приступили къ дѣлу.

Скоро дѣйствіе Промысла подтвердилось явными чудесами. Одинъ земледѣлецъ лежалъ въ тяжкой болѣзни, лишенный движенія. Къ нему пришелъ нищій Павелъ и сталъ совѣтовать, чтобы онъ обѣщался для новой церкви написать Икону Богоматери. Разсказъ Павла про явленіе возбудилъ въ больномъ чистѣйшую вѣру, и онъ съ великою радостью далъ спасительный обѣтъ. У нихъ рѣчь была поутру, а вполдень разслабленный почувствовалъ уже облегченіе и началъ примѣтно владѣть собою. Въ то же время заказанъ отъ него иконописцу Образъ Богоматери, и вскорѣ страдалецъ, совершенно оправившись, самъ пришелъ за Иконою въ Тобольскъ и поставилъ ее въ Соборномъ храмѣ, гдѣ она была до окончанія въ Абалакѣ церкви.

Стоитъ пустынный Абалакъ
На крутизнѣ горы высокой:
Въ ненарушимости глубокой
Предъ нимъ лѣсовъ раскинутъ мракъ;

Вдали громады ихъ одѣло
Небесъ туманной синевой;
Внизу шумитъ осиротѣло
Иртышъ. Онъ пѣнится волной,
Невольникъ грустно-безнадежный;
Давно хребетъ его мятежный
Рыбакъ весломъ перекрестилъ
И въ волны сѣти запустилъ.

Вдругъ слава чуднаго явленья,
Проникнувъ міръ святымъ огнемъ,
Глухой пріютъ уединенья
Одушевила торжествомъ...
Ужъ быстро начали, возводятъ
Храмъ въ Абалакѣ, и туда
Изъ дальнихъ мѣстъ толпы приходятъ,
Чтобъ освятиться отъ труда.
Какая ревность въ ихъ усильяхъ,
Какой восторгъ во всѣхъ сердцахъ!
Растетъ, летитъ какъ бы на крыльяхъ
Священный трудъ, ходатай благъ!

Грядами кедры вѣковые
Подъ звучнымъ пали топоромъ,
И ихъ несутъ валы сѣдые
Къ горѣ крутой — на Божій домъ.
И вотъ, на избранной вершинѣ,
Завѣтъ и радость племенамъ,
Чертогъ молитвамъ и святынѣ,
Поднялся новозданный храмъ.

И мигъ насталъ, мигъ вожделѣнный,
Мигъ благодатный, неземной:
Даръ, земледѣльцемъ принесенный —
Икону Дѣвы Пресвятой
Повелѣваетъ архипастырь
Несть въ Абалакъ и въ новый храмъ
Торжественно поставить тамъ.
И все стеклось на праздникъ дивный,
Живыхъ стремительнѣе водъ,
И звонъ ликующій, призывный
Благовѣститъ прекрасный ходъ.
Хоругви тронулись, и вотъ,

Между безмолвными толпами,
Пріосѣненная крестами,
Икона движется... За ней,
Блистая, стражи алтарей
Идутъ величественнымъ хоромъ;
Идутъ таинственнымъ соборомъ
И братья-иноки. Гремитъ
Священнодѣйственное пѣнье,
Съ кадилъ пылающихъ куренье
Благоуханное бѣжитъ...

Идутъ среди восторговъ чистыхъ,
Горитъ у всѣхъ отрадой ликъ...
Путь пролегалъ въ поляхъ лѣсистыхъ
Черезъ деревню Шанталыкъ. (6)
Въ деревнѣ той печали жили:
Тамъ и трудился и скорбѣлъ
Простой, безвѣстный мужъ Василій —
Онъ дочь болящую имѣлъ.
И дочь одна, зѣница ока,
Любовь души, во цвѣтѣ лѣтъ,

Завидно хороша, высока,
Но ей отказанъ Божій свѣтъ.
Ея глаза давно страданьемъ
Поражены, и лучъ дневной
Съ своимъ привѣтливымъ сіяньемъ
Ей недоступенъ, ей чужой.
Предъ нею міръ глубокой тмою
Подернутъ весь; она весною
Не видитъ прелести цвѣтовъ,
Ни мглы раскидистыхъ кустовъ.

И вотъ узналъ отецъ унылой,
Что Благодатную несутъ,
И вспыхнулъ вѣры чудной силой,
И вмигъ забылъ печаль и трудъ . .
Спѣшитъ во срѣтенье Пречистой,
И жарко падаетъ предъ ней,
И слезы льетъ волной струистой,
Молясь Помощницѣ скорбей:
„О Непорочная, Святая,
Ты жизнь, ты свѣтъ земли и рая!

Дай бѣдной дочери моей
Увидѣть ясными очами
Твой свѣтый Образъ, да съ мольбами
Она поклонится Тебѣ. . .
О помоги своей рабѣ!“

И онъ исполнился надежды,
Домой торопится. . . Глядитъ:
Съ весельемъ дочь къ нему бѣжитъ —
Ея болѣзненныя вѣжды
Открыты бодро и свѣтло. . .
Василій думаетъ: что̀ съ нею! . .
Дочь кинулась къ нему на шею,
Цѣлуетъ въ очи и чело. . .
И крѣпко грудь его сжимая,
„Родитель! говоритъ, сама я
Себя не помню: погляди. . .
Огонь въ глазахъ, огонь въ груди. . .
Какъ ты ушелъ, я у порога,
Вотъ здѣсь, тебя присѣла ждать.
Одна, я думала про Бога
И про Святую Дѣву-Мать.

И долго, долго я сидѣла,
Глазами темными смотрѣла
Вокругъ порога моего
И не видала ничего.
И вдругъ я слышу пѣнье, топотъ...
Ахъ, это съ Образомъ идутъ!
И вырвался молитвы шопотъ...
Не знаю, что̀ со мною тутъ
Случилось, только я невольно
И дико бросилась къ окну —
И чувствую, глазамъ не больно...
Какъ будто кто-то пелену
Внезапно скинулъ съ нихъ, и свѣтомъ
Ихъ окатилъ! И я кресты
И ходъ увидѣла, и въ этомъ
Народѣ Божьемъ плачешь ты..."

Какъ сильно грудь отца пылала!
Какъ счастливъ былъ онъ въ этотъ мигъ!
Уста восторженность сковала;
И нѣмъ отъ радости языкъ:
Онъ ищетъ словъ и не находитъ,
На дочь, въ стѣсненьи чувствъ, глядитъ...

Вотъ съ ней за Образомъ спѣшитъ..
Онъ въ Абалакъ его проводитъ,
И тамъ отслужитъ Пресвятой
Молебенъ съ вѣрой огневой.

И чудо новое мгновенно
Проникло набожный народъ:
Одинъ другому умиленно
Его въ пути передаетъ,
И Образъ новымъ поклоненьемъ
И новой славою святитъ...
Но вотъ, предъ крестнымъ ополченьемъ,
Ужъ Абалакъ вдали открытъ,
И храмъ высокій, храмъ нагорный
Свѣтло красуется очамъ...
И вносятъ Образъ чудотворный
Въ сѣнь освященную, въ тотъ храмъ.

О часъ божественный! Отнынѣ,
Въ глухомъ углу, въ нѣмой пустынѣ

Все живо, звучно... разлита
Блаженной вѣры теплота...
Сюда, къ таинственной святынѣ,
Къ мечу житейскихъ бѣдъ и зла,
Стремятся волны православныхъ,
И здѣсь — свершаются дѣла
Чудесъ безчисленныхъ и явныхъ.

Одинъ идетъ на костыляхъ...
Онъ всталъ едва съ постели, бѣдный;
Онъ много лѣтъ хирѣлъ и чахъ,
И вотъ пришелъ, изсохшій, блѣдный,
Къ святому Образу воздѣть
Свои нѣмѣющія руки,
Излить мольбу, свой стонъ и муки,
И грудь надеждой разогрѣть...
И будто вдругъ бальзамъ цѣлебный
Коснулся немощныхъ костей,
И съ пѣснью радостной, хвалебной
Идетъ онъ въ домъ — безъ костылей.

Иной лишенъ святаго дара —
Привѣтно лепетомъ роднымъ
Себя высказывать другимъ...
Языкъ въ цѣпяхъ: какая кара!
Дышать съ подобными себѣ,
Имѣть и мысли, и желанья,
И роковыя испытанья,
Въ земной сокрытыя судьбѣ,
И узы вѣчнаго молчанья
Печально несть; не въ силахъ быть —
Ни тайной думы, ни страданья,
Ни воли брату сообщить!..
Но вотъ — предъ ликомъ Благодатной,
Нѣмой срывается языкъ,
И сильный рѣчью, всѣмъ понятной,
Онъ издаетъ восторга кликъ!

Тотъ пораженъ утратой слуха:
Ни грома трескъ, ни бури стонъ,
Ни мощный колокола звонъ
Дремоту скованнаго уха
Прервать не сильны... Божьихъ словъ,

Чудесныхъ истинъ Откровенья,
Ни утѣшительнаго пѣнья
Не слышитъ онъ, когда стоитъ
Во храмѣ свѣтломъ — и закрытъ
Ему источникъ умиленья;
Предъ нимъ ключъ радости изсякъ. . .
Но вотъ пришелъ онъ въ Абалакъ
И пролилъ теплыя моленья,
И ухо дремлющее вдругъ,
Оживъ, почувствовало звукъ!

И годы льются, годы мчатся,
И чудеса Иконы той,
Благословенныя, творятся
Неистощимой чередой.
И грудь земли, раскрывъ умильно
Всю роскошь тайныхъ силъ своихъ,
Выноситъ пышно и обильно
Дары на нивахъ золотыхъ;
И лѣтній зной полей не губитъ,
И злаковъ молнія не жжетъ

И градъ стремительный не бьетъ...
Роса ихъ ласковая любитъ,
И ихъ урочною порой
Кропитъ жемчужною струёй.

Но изъ годовъ, цвѣтущихъ счастьемъ,
Былъ годъ суровый для земли:
Весна грустила подъ ненастьемъ,
Дожди холодные текли...
Полей затопленнаго лона
Чуждался спрятавшійся лучъ,
И не сходили съ небосклона
Громады сѣрыхъ, дикихъ тучъ.
Ревѣли вѣтры буйнымъ хоромъ,
Клубили мракъ сѣдыхъ небесъ,
И подъ ужаснымъ ихъ напоромъ
Срывались пни, ломался лѣсъ.
И мстя враждующимъ возстаньемъ
За плѣнъ безславный, вѣковой,
Иртышъ катился съ клокотаньемъ,
Съ угрозой бѣшено-слѣпой...

И воды вздутыя надменно
Шли на просторъ изъ береговъ
И покрывали изступленно
Поверхность пашенъ и луговъ.

И люди чувствовали трепетъ,
За свой страшилися удѣлъ,
Потопа ждали... Скорбный лепетъ
Къ Творцу отчаянно летѣлъ.
Вдругъ архипастырь повелѣлъ,
Къ отрадѣ всѣхъ, какъ оборону
И щитъ растерзанной земли,
Ту чудотворную Икону
Принесть въ Тобольскъ — и принесли...
И чистой, пламенной душою,
Съ благоговѣйною тоскою,
Мольбы смиренныя предъ ней
Во храмѣ лилъ архіерей...
И въ тотъ же день дожди и бури
Утихли. Съ дѣвственной лазури,
Изъ-за бѣгущихъ облаковъ,
Пробился лучъ, опять готовъ

Живитъ, лелѣятъ міръ унылый,
И снова прелесть ясныхъ дней
Настала. Схлынули съ полей
Ручьи, потоки. Цвѣтъ и силы
Сошли на землю, и она
Дышала, роскоши полна...
И — признакъ благости небесной —
Въ святой раскинуты красѣ,
Созрѣли жатвою чудесной
Поля запаханныя всѣ.

И скорбь смѣнило ликованье,
Сердца наполнились отрадъ...
Тѣ дни святитъ воспоминанье,
Завѣтный, сладостный обрядъ:
Какъ міръ подъ лѣтними лучами
Заблещетъ свѣтомъ и красами —
Съ тѣхъ поръ (7) бываетъ каждый годъ
Изъ Абалака крестный ходъ,
И Образъ, славный чудесами,
Въ Тобольскъ приносятъ (8), и за нимъ
Стремится съ трепетомъ живымъ,

Народъ... И клиромъ окруженный,
Выходитъ самъ Преосвященный,
Въ одеждѣ ярко-золотой,
Навстрѣчу къ Дѣвѣ Пресвятой.
И Образъ дивный въ храмъ Соборный
Несутъ и ставятъ при мольбахъ:
Восторгъ пылаетъ животворный
Въ кипящихъ ревностью сердцахъ!
Всѣ — старъ и молодъ, дѣвы, жёны —
Тутъ умилительно стоятъ:
Земные, жаркіе поклоны
Предъ Богоматерью творятъ.
И непрерывно ихъ моленья
Бѣгутъ какъ пламенный потокъ,
Пока святаго посѣщенья
Вдругъ не настанетъ грустный срокъ (9).

МОЙ ДОМИКЪ.

Надъ тихимъ, зеркальнымъ заливомъ
Стоитъ укромный домикъ мой,
Гдѣ я въ бездѣйствіи счастливомъ
Вкушаю нѣгу и покой;
Гдѣ все блаженною свободой
Упоено... Цвѣтетъ весна:
Я занятъ свѣтлою природой —
Друзья мнѣ солнце и луна.

Они, смѣняясь величаво,
Надъ мирной хижиной моей
Восходятъ, вѣнчанныя славой,
Въ одеждѣ свѣта и лучей.

Когда по темному эѳиру
Ночей владычица плыветъ
И убаюканному міру
Сны очарованные льетъ,
И ликъ ея трепещетъ нѣжно
На лонѣ зыбкой глубины —
Я созерцаю безмятежно
И мракъ, и чудный свѣтъ луны.
И мнѣ обильными мечтами
Съ высотъ она благотворитъ,
И сокровенными словами
Съ юдольнымъ сердцемъ говоритъ...
Когда жъ плѣнительнымъ разсвѣтомъ
Блеснетъ восточный небосводъ,
Я благодарственнымъ привѣтомъ
Встрѣчаю солнечный восходъ;

И гимнъ услыша, плещутъ воды
Царю могучему природы,
Все радо, все отозвалось
И въ пѣсню жаркую слилось...
Поднявъ изъ розовыхъ объятій
Зари пылающей главу,
Прекрасенъ, полонъ благодати,
Онъ разсѣкаетъ синеву.
И лучь его ко мнѣ въ лачугу
Съ полей лазоревыхъ летитъ,
И снисходя къ земному другу,
Весь день у смертнаго гоститъ.

ГОРОДЪ.

Когда смотрю, плѣненъ неизъяснимо,
На этотъ кругъ безчисленныхъ домовъ,
Гдѣ жизнь людей кипитъ неутомимо,
Возросшая подъ яростью вѣковъ,
И вспомню то, какъ груда этихъ зданій
Возникла, поднялась и разцвѣла,
И сколько бѣдъ и лютыхъ испытаній
Въ стѣнахъ своихъ она перенесла —

Тогда я весь дрожу отъ умиленья,
Тогда я говорю съ собой самимъ:
Такъ! здѣсь есть нѣчто выше разрушенья,
Хоть слитое съ ничтожествомъ земнымъ.

ПАВЛИНЪ И ПАВА.

Взоръ ослѣпляя красой величавой,
Блещетъ въ цвѣтахъ, изумрудахъ павлинъ,
Гордо разводитъ свой хвостъ передъ павой,
Съ перьевъ льетъ золото, яхонтъ, рубинъ...
Пава жъ красуется прелестью скромной,
Ходитъ предъ нимъ безъ цвѣтовъ, безъ лучей,
Тихо сгараетъ любовію томной,
Нѣжная узница нѣжныхъ страстей.

Дышетъ она ненаружною славой,
Тайнымъ богатствомъ... Зачѣмъ же одинъ,
Взоръ ослѣпляя красой величавой,
Блещетъ въ цвѣтахъ, изумрудахъ, павлинъ?

Въ старые годы, вѣщаетъ преданье,
Съ набожнымъ міромъ сбиралась чета
Праздновать Свѣтлаго Утра сіянье,
Радостно встрѣтить Владыку-Христа.
Въ мигъ предъ Заутреней, въ мигъ вдохновенный
Пава служила павлину; на немъ
Бисеръ сіяющій, цвѣтъ драгоцѣнный
Такъ и низала въ весельи нѣмомъ.
Вотъ уже грудь его, хвостъ его, шея
Мечутся въ радугахъ... Кончила трудъ:
Сердце отрадой умильною грѣя,
Стала рядиться сама она тутъ;
Голову яркимъ вѣночкомъ одѣла —
Вдругъ святой благовѣстъ прервалъ уборъ:

Пава украситься вся не успѣла,
Такъ и осталась безъ блеску... Съ тѣхъ поръ
Дышетъ она только внутренней славой,
Тайнымъ богатствомъ, а гордый павлинъ,
Взоръ ослѣпляя красой величавой,
Съ перьевъ льетъ золото, яхонтъ, рубинъ.

БЕЗПОКОЙСТВО.

Зачѣмъ, на лонѣ тишины,
Въ безпечности благополучной,
Мы непонятно смущены
Тоской заботливости скучной?
Когда бездѣйствіе и лѣнь
Глубоко душу усыпляютъ,
Въ дремотѣ топятъ каждый день
И мирно жизнь уничтожаютъ —

Какой-то мстительный укоръ
На сердце падаетъ невольно,
Твердитъ печальный приговоръ,
И сердцу тягостно и больно...
И вотъ, дремоты лишено
И приглашаемое бдѣньемъ,
Робѣетъ горестно оно
Предъ независимымъ стремленьемъ,
Передъ порывомъ неземнымъ,
Предъ цѣлью творческой, высокой,
И страждетъ грустію глубокой,
Изнеможеньемъ роковымъ;
Оно и ропщетъ, и жалѣетъ,
И негодуетъ на себя,
И вдохновенія не смѣетъ
Призвать, ничтожность полюбя.
Ему бы нуженъ праздникъ духа —
Гульба въ предѣлахъ неземныхъ,
Пиръ ненасыщеннаго слуха —
Пространство звуковъ золотыхъ;
Но къ высотамъ не могутъ крылья
Отяжелѣвшія парить,
И жребій жалкаго безсилья —
Нѣмѣть въ оковахъ и грустить...

Такъ лучше, сердце, не смущайся
Предъ эхомъ творческихъ трудовъ,
Спи тяжелѣй, не откликайся
На ихъ измѣнническій зовъ!

ДУМА.

Что задумала, головушка,
Загадала моя буйная,
Плечь хозяйка разудалая?
Не взяла ль тебя хмѣлинушка,
Не она ль зеленой чарою
Твои очи затуманила?
И кипучая, веселая,
Ты пошла опять разгуливать

По раздолью міра Божьяго
Вольнымъ голубемъ, лебедушкой,
И съ размахами орлиными?
Не опять ли ты, отважная,
Въ поднебесье путь направила
И сиротствовать въ безсиліи
Плеча праздныя оставила?

Нѣтъ, моя ли свѣтъ-головушка,
Вольнымъ голубемъ, лебедушкой
Въ небѣ синемъ не гуляешь ты:
По землѣ теперь ты носишься,
Какъ раба земли невольная...
Ахъ, задумала ты думушку —
Дико бросить свою родину
И по счастіе летучее
Мчаться пташкой безпріютною
На чужу-дальну сторонушку,
За луга, поля широкія,
За лѣса, за рѣки быстрыя,
За крутыя горы каменны,
Что къ народу незнакомому,

Въ неизвѣстные обычаи!
Оттого, моя головушка,
Ты печально опустилася,
Очи свѣтлыя потуплены,
Брови темныя надвинуты;
Оттого ты, молодецкая,
Не сидишь, какъ прежде, съ удалью
На плечахъ своихъ раскидистыхъ,
И раздумать хочешь думушку,
И не хочешь разлучиться съ ней!

ТИТАНЪ.

Титанъ-младенецъ, тяжко связанъ,
Груститъ подъ сводомъ душныхъ стѣнъ...
За что судьбою онъ наказанъ,
За что несетъ суровый плѣнъ?

Но рано ль, поздно ль, грознымъ взломомъ
На волю вырвется волканъ —
И возмужавъ, оковы съ громомъ
Уронитъ мощный великанъ.

Такъ сынъ свободы, сынъ пареній,
Орелъ свергаетъ мракъ сѣтей;
Такъ узы рветъ окрѣпшій геній
Въ отвагѣ пламенной своей.

КЪ ЛУНѢ.

Дивишь ты, неба дочь, своимъ очарованьемъ,
Когда, окружена звѣздами и сіяньемъ,
Подъ пологомъ небесъ гуляешь, а кругомъ
Свѣжо, безоблачно въ просторѣ голубомъ . .
Стыдливо ты плывешь, чиста какъ голубица,
И смотритъ на тебя, любуясь, цвѣтъ-дѣвица,
И жертвуетъ тебѣ мечтатель сна часы.
Но я боготворить готовъ твои красы,

Когда, изъ-за одеждъ подвижныхъ тучи зыбкой,
Проглянешь ты на міръ серебряной улыбкой,
И ласково поля и холмы озаришь,
Какъ будто поцалуй невѣсты подаришь!

Съ тучь, беременныхъ дождями,
Льются бурные ручьи:
Грусть и сумракъ надъ полями
Обезсиленной земли.

Но спѣшитъ на смѣну вёдро
Къ непріязненнымъ дождямъ...
Солнце весело и бодро
Вновь идетъ по небесамъ.

Благосклонно пламень Феба
Согрѣваетъ вновь поля,
И глядитъ на яхонтъ неба
Восхищенная земля.

Такъ, извѣдавъ ливень бурный
Наводняющихъ страстей,
Встрѣтишь ты полетъ лазурный
Плодотворно-ясныхъ дней.

КЛАДБИЩЕ.

Изъ дебри свой куполъ поднявъ къ небесамъ,
Въ красѣ одинокой стоитъ Божій храмъ.

Онъ грозный пустынникъ, онъ сторожъ могилъ;
Его молчаливый приходъ окружилъ.

И путь къ нему теменъ, но вѣчно открытъ:
День каждый ему все прихожанъ даритъ;

День каждый густѣетъ все роща гробовъ —
Онъ всѣхъ принимаетъ подъ вѣрный покровъ.

И спятъ его гости въ глухой тишинѣ,
И нѣтъ отголоска въ глубокомъ ихъ снѣ.

Но скатится вечеръ — ихъ дивный покой
Одѣнется въ ужасъ подъ черною мглой...

И жизнью какихъ-то невѣдомыхъ силъ
Чудесно повѣетъ тогда отъ могилъ.

Какъ будто кто сронитъ съ нихъ ношу цѣпей,
Какъ будто начнется въ нихъ говоръ костей.

И страшно къ мѣстамъ оживленно-нѣмымъ
Приблизиться міра созданьямъ живымъ...

Но храмъ предъ гробами, храмъ Божій стоитъ!
Онъ мракомъ и силой и тайной обвитъ.

Настанетъ мгновеніе: вдругъ озарёнъ,
Несказаннымъ свѣтомъ наполнится онъ,

И старецъ могучій, въ сіяньи вѣнца,
Является въ храмъ, и славитъ Творца,

И поле могилъ знаменуетъ крестомъ,
И въ сумракъ летитъ его голосъ какъ громъ:

„Миръ вѣчный почившимъ, молчанье гробамъ
„Покой безтревожный холоднымъ костямъ!

„Ничто да не рушитъ сонъ Божьихъ рабовъ,
„Пока не прогрянетъ труба съ облаковъ!“

ВАВИЛОНЪ.

Необузданный и чудный,
Сотворивъ кумиромъ ложь,
Городъ пышный, многолюдный,
Ты ликуешь и цвѣтешь!
Похититель пирной славы,
Нѣгъ волшебно-золотыхъ,
Поднялъ ты съ земли дубравы
И висѣть заставилъ ихъ.

Плавать въ безднѣ наслажденья,
Въ морѣ благъ — тебѣ законъ;
Для трудовъ самозабвенья,
Для любви ты не рожденъ...
Ты не помнишь, что на свѣтѣ
Есть другіе города —
Братья въ скудости, не въ цвѣтѣ,
Съ горемъ дружные всегда.

Пусть они, бѣдами сыты,
Стонутъ въ мукахъ роковыхъ —
Ты, счастливецъ именитый,
Отвергаешь вопли ихъ;
Кровныхъ чествуя презрѣньемъ,
Знать не хочешь нищеты,
И слѣпымъ столпотвореньемъ
Занялъ руки и мечты.

И Творецъ тебѣ не страшенъ...
Пусть потопъ наводитъ Онъ,
Ты взойдешь на выси башенъ,
Занесенныхъ въ небосклонъ.

И хоть шаръ земной съ горами,
Съ сонмомъ рощь, полей и нивъ
Захлебнется подъ водами —
Нужды нѣтъ: ты будешь живъ!

День разсѣянный, день нестройный
Мною властвуетъ какъ рабомъ;
Въ суетѣ его безпокойной
Я ношусь и кружусь перомъ...
Нѣтъ ни силы въ душѣ, ни воли,
Нѣтъ мечты въ умѣ золотой,
Нѣтъ на сердцѣ колючей боли,
Нѣтъ и радости въ немъ живой.

Но лишь смолкнетъ день этотъ буйный,
И волнами на міръ падетъ
Сумракъ вечера тихоструйный,
И покоемъ все обовьетъ —
Начинаю я возрожденье:
Грудь колышется и дрожитъ,
Сердце съ силою про мученье,
Про печали мнѣ говоритъ. . .
Въ немъ воскреснетъ міръ тайнъ избранныхъ,
И тоскуетъ оно объ нихъ,
О привязанностяхъ попранныхъ,
Умилительныхъ и святыхъ;
И раждаетъ въ немъ скорбь и сладость
Память юности и тѣхъ дней,
Какъ ему улыбалась радость
И надежда въ вѣнцѣ лучей!

СВѢТЪ.

Сперва съ отрадой суевѣрной
Душа на цѣлый свѣтъ глядитъ
И въ простотѣ нелицемѣрной
Открытый міръ боготворитъ.
Вся жизнь ей кажется залогомъ
Блаженства, счастія, мечты,
Весь свѣтъ плѣнительнымъ чертогомъ
Неизъяснимой красоты.

И въ думѣ пламенно-могучей
Она хотѣла бы обнять
Весь міръ любовію кипучей,
Превознести, облобызать...
О, дайте красокъ самоцвѣтныхъ,
Одѣть все въ радужный покровъ!
О, дайте пѣсень искрометныхъ,
Лучистыхъ звуковъ, жаркихъ словъ!

Но скоро съ чуднымъ обаяньемъ
Душа разстаться ужъ должна...
Восторгъ погасъ; негодованьемъ
Воспламеняется она.
Передъ ея смущеннымъ взоромъ
Разоблачился этотъ свѣтъ,
Со всѣмъ стыдомъ, со всѣмъ позоромъ
Страстей торговыхъ и суетъ...
О, чѣмъ довѣрчиво плѣнялась,
Чему восторгъ она несла,
Какой личиной ослѣплялась,
И въ чемъ любовію жила!

И гнѣвъ кипящій въ ней клокочетъ:
Надеждъ отрадныхъ лишена,
Разочарованная, хочетъ
Изранить черный свѣтъ она —
Снять чешую съ пиѳона-змѣя,
Коварство, хищность обнажить,
Постигнуть ужасомъ злодѣя,
Порокъ и месть оцѣпенить...
О, дайте мѣткихъ стрѣлъ, могучихъ,
Міръ ядовитый поражать!
О, дайте, дайте молній жгучихъ,
Перуновъ огненную рать!

ЗВѢЗДОЧКА.

Ты, мечтатель грустный, свѣдалъ
Въ небѣ звѣздочку, и ей
Подчинилъ себя и предалъ
Сны безрадостныхъ страстей...
Смотришь въ дальнюю пучину,
Въ это поле, гдѣ она,
Выбравъ темную долину,
Блещетъ весело одна.

Ей подругъ-сестеръ не нужно,
И безъ нихъ она дивитъ,
Пламенисто и жемчужно
Въ отдаленіи горитъ.
Восхищенъ ея сіяньемъ
Въ тишинѣ святыхъ ночей,
Ты и взоромъ и желаньемъ
Горячо слѣдишь за ней;
Вознося ревнивый шопотъ,
Предаешься и мольбѣ,
Изливаешь тайный ропотъ,
Шлешь вопросы о судьбѣ. . .
Ты твердишь ей то мгновенье,
Какъ ея обѣтный лучъ
Поразилъ впервые зрѣнье
Сквозь туманъ вечернихъ тучъ,
И на яхонтѣ далёкомъ
Обозначился ярчѣй,
Будто выглянулъ пророкомъ
Утѣшенья, свѣтлыхъ дней!

ВОСПОМИНАНІЕ.

Смиряя тревогу въ груди уязвленной,
Задумчиво-грустный, когда-то одинъ
Бродилъ я въ пустынѣ, въ глуши отдаленной,
Межъ дебрей туманныхъ, межъ скалъ и стремнинъ.
Въ суровой красѣ предо мной подымались
Громады утесовъ и шли до небесъ,
И дико, но голосомъ тайнъ откликались
Мнѣ звучныя скалы, и дебри, и лѣсъ . . .

Бесѣдовалъ съ ними дневной я порою,
Бесѣдовалъ съ ними во мракѣ ночей,
И слышалъ и чувствовалъ тихой душою
Глубокую рѣчь говорливыхъ ключей.
Но что̀ мнѣ вѣщали тѣ скалы, стремнины?
Какія ронились мнѣ въ душу слова?
Ахъ, это былъ звукъ безначальной Причины,
Святой, сокровенный глаголъ Божества!

И все проникалось тамъ мыслью одною,
Все громко твердило о силѣ Творца,
И все заповѣдной цвѣло чистотою—
Нетлѣннымъ урокомъ Владыки-Отца . . .
И въ воздухѣ свято парили станицы
Пернатыхъ—пустыни смиренныхъ жильцовъ,
И съ голосомъ лебедя рѣчь голубицы
Сливалась въ молитвенный гимнъ средь лѣсовъ.

И сладко вздохнулъ я: въ груди облегченной
Опять просіялъ упованія свѣтъ,
И я ужъ не помнилъ, въ отрадѣ священной,
Ни прежней печали, ни прежнихъ суетъ.

СВИДАНІЕ.

изъ Гёте.

Возможно ль, вновь нѣмыя руки
Тебя, светилъ светило, жмутъ!
О, что за бездна ночь разлуки,
Какая цѣпь скорбей и смутъ!
Такъ, это ты, струя живая
Моихъ возвышенныхъ отрадъ;
Я трепещу предъ встрѣчей рая,
Мученій прошлыхъ помня адъ

Когда міръ темный въ снѣ глубокомъ
На лонѣ Бога жизнь таилъ,
И въ люботворчествѣ высокомъ
Богъ первый часъ установилъ,
И рекъ—да будетъ! зазвучало
Тогда болѣзненное *ахъ*,
И мощной бытности начало
Заговорило въ пустотахъ.

Явился свѣтъ! Полна испуга,
Въ пучины ринулася ночь,
И побѣжали другъ отъ друга,
Раздѣлены, стихіи прочь.
Еще не вѣдая призванья,
Какъ въ грезахъ дикихъ и слѣпыхъ,
Мертво, безъ звука, безъ желанья
Стремилась каждая изъ нихъ.

Все было пусто, непробудно,
Богъ въ первый разъ былъ одинокъ!
Тогда зарю Онъ создалъ чудно,
И ужасъ весь предъ нею лёгъ.

Она игрою красокъ нѣжной
Міръ безотрадный обняла,
И въ широтѣ его безбрежной
Любовь и сила ожила.

И жаждетъ все неодолимо
Съ частицей встрѣтиться родной,
И чувство, взоръ ненасытимо
Стремятся къ жизни золотой...
И вотъ, подъ вихремъ сочетанья,
Слилося все одно съ другимъ!
Богъ опочилъ отъ мірозданья,
И мы вселенную творимъ.

Такъ, запылавъ, заря спѣшила
Къ твоимъ устамъ меня примчать,
И ночь къ союзу приложила
Тысячезвѣздную печать.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

К. К. П — вой.

въ Альбомъ.

Не блещетъ столикъ вашъ спѣсиво
Ни кипарисомъ, ни рѣзьбой,
Но онъ альбомъ краснорѣчивой,
Хоть безотвѣтный и нѣмой.
На немъ красуется собранье
Любезныхъ памяти вещей—
Сердечныхъ чувствъ повѣствованье,
Рѣчь безглагольная друзей...

Дивится взоръ, вперенный жадно:
Какъ много сладкихъ знаковъ здѣсь!
Какъ говоритъ душѣ отрадно
Ихъ привлекательная смѣсь!

Но какъ ихъ звукъ нѣмой ни жарокъ,
Межъ ними громче и милѣй
Перо, божественный подарокъ
Олимпа свѣтлыхъ дочерей:
Вы имъ прекрасно и законно
Всегда владѣете, и намъ
Передаете благосклонно
Думъ сокровенный ѳиміамъ!

Какъ вѣтеръ закрутитъ мгновенно прахъ летучій,
И вдругъ, исполнены отваги каленой,
Воинственно начнутъ накатываться тучи
На сводѣ голубомъ, одѣтомъ тишиной,
И небо сжатое воспрянетъ, загрохочетъ,
И вздутая рѣка сердито заклокочетъ,
Тогда, невѣдомой восторженности полнъ,
Люблю я услаждать мой слухъ игрою волнъ;

Съ благоговѣніемъ ихъ дико-стройный голосъ
И громъ святыхъ небесъ ловлю моей душой,
И въ страхѣ сладостномъ вздымается мой волосъ,
И весь я становлюсь дрожащею струной.

Но, послѣ знойныхъ бурь, слезливо и печально
Къ намъ осень тянется. . . На блѣдный небосклонъ
Станицы хворыхъ тучь сойдутся погребально,
И въ сумракъ и въ дожди закутается онъ;
Томятъ его и скорбь и немощныя раны,
Перуновъ огненныхъ подарокъ роковой. . .
По доламъ широко постелются туманы
И тощая волна подыметъ грустный вой.
Тогда моя душа съ развѣнчанной природой
Горюетъ заодно, полна тяжелыхъ сновъ,
И сердце не дрожитъ ни силой, ни свободой,
И слухъ не празднуетъ подъ музыкой громовъ. —
Но вотъ летитъ зима, летитъ зиждитель-холодъ;
Водамъ куетъ броню его всесильный молотъ,
И палица его клеймитъ земли кору,
И блещутъ на стеклѣ узоры поутру.

И снѣжные валы, возставъ, кипятъ сурово,
И рощи, безъ одеждъ, свое заводятъ слово...
Тогда я восхищенъ и жизни снова радъ!
Раскинется вездѣ торжественность и воля:
Разгульемъ удалымъ гудятъ равнины поля,
И длится между скалъ борея перекатъ...
И этотъ гордый шумъ, холодный шумъ погоды,
Мнѣ кажется лихимъ веселіемъ природы
И смѣхомъ праздничнымъ надъ бурями тѣхъ дней,
Какъ вспыхивала твердь отъ молнійныхъ огней!

Не такъ же ли трунитъ и опытная старость,
Когда заснетъ огонь бунтующихъ страстей,
Когда умолкнетъ ихъ слѣпая блажь и ярость
И грудь не закипитъ опять отъ ихъ ключей?

СМЕРТНОМУ.

Не сѣтуй, смертный, вольнодумно,
Что жизнь мятежная твоя
Безъ цѣли рѣетъ слѣпо, шумно
Въ широкомъ полѣ бытія;
Что ты кружишься легкимъ пухомъ,
Не зная около чего...
Угомонись скорбящимъ духомъ,
Не мучь разсудка своего!

Взгляни на міръ: не такъ ли мчатся
Подъ небосклономъ облака —
Придутъ, нависнутъ, удалятся,
И вновь летятъ издалека?
Кто ихъ для вѣчнаго убранства
Задержитъ въ небѣ голубомъ?
Земля, игралище пространства,
Сама вертится колесомъ;
И тверди гордыя свѣтила
Обречены на быстрый ходъ;
Круговращательная сила
Весь поворачиваетъ сводъ.
И ты, мгновеннаго призванья
Мгновенный сынъ, ту жъ долю знай,
Вертись... и чередъ созданья
Противорѣчить не желай!
Среди безсоннаго круженья,
Среди превратностей дыши,
И пей струю самопрезрѣнья
Въ холодной горечи души!

СЛЕЗЫ.

Дѣвственно-чистыя,
Слезы струистыя,
Грустный привѣтствуетъ васъ!
Полный томленіемъ,
Онъ съ наслажденіемъ
Льетъ васъ потоки изъ глазъ.
Вашею силою,
Съ жизнью постылою
Вновь примиряется онъ;

Вы облегчаете
Вы утоляете
Сердца страдальческій стонъ.

Такъ мнѣ, забытому,
Горестью сытому,
Плакать — веселье одно;
Въ тайномъ мученіи,
Слезъ упоеніе
Мрачному сердцу дано...
Падайте жъ, слёзы, вы!
Къ юности розовой
Душу стремите вы вновь;
Радость являйте мнѣ,
Чувствовать дайте мнѣ
Первые сны и любовь!

ПРОБУЖДЕНІЕ.

Замыкая полночныхъ свѣтилъ хороводъ,
Вѣстникъ утра, горитъ люциферъ средь высотъ.
Онъ роскошно надъ сонной моей головой,
Сквозь окно, сыплетъ свѣтъ бриллiантовый свой;
Онъ жемчужными искрами будитъ меня
Встрѣтить близкое пиршество новаго дня.
И, покорный призывному блеску его,
Я встаю торопливо отъ сна своего..

Но какія заботы, какія мечты,
Утра вѣстникъ святой, озарилъ во мнѣ ты?
Неизмѣнный далеко есть другъ у меня:
И при сумракѣ ль ночи, при свѣтѣ ли дня,
Про него я наполненъ мечтаній и думъ,
Безъ него не отраденъ и утра мнѣ шумъ...
Знаю, тамъ, въ одичалой, глухой сторонѣ,
Онъ, мой вѣрный другъ, помнитъ, болитъ обо мнѣ;
Знаю, въ жаждѣ свиданья, пронзенный тоской,
Онъ несется оттуда — обняться со мной...
И ретивые кони теперь сквозь лѣса,
Сквозь пустырь его мчатъ, и надъ нимъ небеса,
И въ глазахъ, замыкая свѣтилъ хороводъ,
Вѣстникъ утра, горитъ люциферъ средь высотъ,
И привѣтно надъ томной его головой,
Какъ и мнѣ, сыплетъ свѣтъ брилліантовый свой.

ОБРАЩЕНІЕ.

Буйной мудрости внушеньямъ
Долго, долго я внималъ,
И подвластный заблужденьямъ,
Храмы рѣдко посѣщалъ;
Не боялся жертвы скудной
Предъ богами приносить. . .
Но теперь, согрѣтый чудно,
Ложный путь спѣшу забыть

Вижу: царь долинъ безбрежныхъ,
Раздирая бурный сводъ,
На коняхъ перунобѣжныхъ
Зевсъ несется средь высотъ...
Отъ громовъ его пучины,
Стикса берегъ роковой
И Атлантскихъ горъ вершины,
Содрогаясь, мечутъ вой.

Вижу, есть рука, что въ чинѣ
Все содержитъ и ведетъ,
Что ругается гордынѣ,
На смиренныхъ славу льетъ.
Распустивъ надъ міромъ крылья,
Счастье быстрое летитъ,
Тѣмъ несетъ дары обилья,
А у тѣхъ отнять спѣшитъ.

РУССКОЕ ВИНО.

Здравствуй, Русское веселье,
Здравствуй, Русское вино,
Православное похмѣлье,
Чашъ потопленное дно!
Ты по юношескимъ жиламъ
Влагой крѣпости бѣжишь,
И къ былымъ, каленымъ силамъ
Грудь увядшую стремишь!

Какъ возникли дни отчизны,
Кто изъ Русскихъ чадъ, любя
Свой предѣлъ безъ укоризны,
Не отвѣдывалъ тебя?
Кто въ пылу борьбы кровавой
Дрался на-смерть, и не пилъ?
Кто, привѣтствованный славой,
Чашъ не пѣнилъ и не билъ?

Ты ли, Петръ, титанъ могучій,
Передъ кѣмъ земли родной
Разступился мракъ дремучій,
Рухнулъ сонъ нашъ вѣковой —
Ты ль не помнилъ круговую,
Какъ злодѣевъ поражалъ,
Какъ надменность роковую
Карла буйнаго смирялъ?

Нѣтъ, объятъ хмѣльнымъ порывомъ
Полубожеской мечты,
Пировалъ и новымъ пивомъ
Угостилъ Россію ты.

И съ твоей кипучей браги
Разгуляласся она,
Силъ зеленыхъ и отваги
Пламенѣющей полна!

Ты ли, чудный Ломоносовъ,
Сынъ убогій рыбака,
Непонятный для вопросовъ
И безсмертный для вѣнка,
Ты ль не вѣдалъ чаши мирной,
Какъ науку пожиналъ
И съ торжественностью пирной
Въ небо крылья простиралъ?

Нѣтъ, паря къ богамъ и свѣту,
Зналъ ты съ творчествомъ вино;
Ты повелъ къ живому цвѣту
Слова Русскаго зерно...
И въ просторѣ дня широкомъ
Поднялось оно, и бьетъ
Винограда жаркимъ сокомъ,
И горитъ, и каплетъ медъ!

Слава Русскому веселью,
Слава Русскому вину,
Православному похмѣлью,
Чашъ потопленному дну!
Искони оно по жиламъ
Влагой крѣпости бѣжитъ,
И къ былымъ, каленымъ силамъ
Грудь увядшую стремитъ!

ПОЭТЪ.

Не блещетъ въ очахъ его свѣтъ вдохновенья,
Поникъ онъ угрюмо туманнымъ челомъ,
И смотритъ на арфу съ тоской отвращенья,
И струнъ потревожить не хочетъ перстомъ.
Онъ помнитъ, онъ помнитъ ихъ сладостный громъ
И звуковъ потоки, быстрѣй водопада
Летѣвшіе съ арфы послушной въ тѣ дни,
Когда въ немъ кипѣли восторгъ и отрада

И теплились ярко святые огни...
Но гдѣ жъ тѣ мгновенья? исчезли они.
Душа онѣмѣла, душа одичала
И скорбью ничтожества тяжко болитъ;
Напѣвы затихли, струна замолчала,
И мрачный пѣвецъ, пустотою убитъ,
Съ презрѣньемъ и гнѣвомъ на арфу глядитъ...
Ее ужъ не хочетъ онъ видѣть святыней,
Залогомъ прекраснаго въ мірѣ земномъ,
А дико твердитъ ей: начто мнѣ ты нынѣ,
Съ лукавой измѣной, съ предательскимъ сномъ?

Такъ жрецъ, приносившій дары всесожженья,
Глядитъ съ отрицаньемъ на жертвенникъ свой,
Лишенный огня и святаго куренья,
Осыпанный пепломъ, охваченный мглой...
Онъ видитъ — уже не воротится пламень,
Съ его алтаря улетѣвшій къ богамъ,
И шепчетъ въ тоскѣ: не разбить ли о камень
Тебя, на которомъ потухъ ѳиміамъ?

К. К. П — вой.

День благодатный, день рожденья
Вы огласите звономъ чашъ!
Явлюсь ли съ данью поздравленья
Я безъ стиховъ на праздникъ вашъ?

И вотъ что сердце вамъ лепечетъ:
Да ниспошлетъ на васъ Зевесъ
Лѣтъ столь же много, сколько мечетъ
Въ грудь вашу звуковъ отъ небесъ!

Да полны помысловъ блаженныхъ,
Неистощимыхъ и живыхъ,
Стиховъ простыхъ, стиховъ смиренныхъ
Не забываете моихъ!

Мой жребій мраченъ и ненастливъ,
Никто мнѣ въ мірѣ не родня;
Но я прославленъ, гордъ и счастливъ,
Когда вы хвалите меня.

1840, Іюль.

БУРЯ.

Стоитъ гроза надъ темнымъ лѣсомъ,
Въ рѣку удалый вѣтеръ бьетъ,
И подъ свинцовымъ тучь навѣсомъ
Непроницаемъ небосводъ.
И стонетъ лѣсъ, и поле воетъ,
Утесы въ заревѣ громовъ,
И берега тѣснитъ и роетъ
Неукротимый бой валовъ.

И въ темномъ лѣсѣ воронъ чёрный
На соснѣ дряхлой и нагой
Сидитъ, внимая гулъ задорный
Грозы веселой, молодой.
И глазъ его, сверкая, бродитъ
По грудѣ пней, среди стремнинъ. . .
Не чары ль воронъ производитъ,
Не онъ ли бури властелинъ?

И размахнувъ крылами живо,
Подъ скрыпъ деревъ и трепетъ скалъ,
Вотъ съ мрачнымъ коршуномъ ретиво
Перекликаться воронъ сталъ:
„Скажи, куда свои полёты
Стремилъ ты нынче, сѣрый братъ?
Съ лихой и доблестной охоты,
Чай, воротился ты богатъ!

„Не видно ль гдѣ кровавой брани,
Не слышно ль голоса мечей?
Уже давно не брали дани
Мы съ человѣческихъ костей!

Или раздоръ, пылая вѣки,
Снялъ съ міра грозную печать,
И не хотятъ ужъ человѣки
Одинъ другаго пожирать?

— Вездѣ блуждалъ, вездѣ леталъ я,
Какъ демонъ грустенъ и несытъ;
Но крови слѣду не сыскалъ я —
Война привѣтливая спитъ.
Не видно въ чистомъ полѣ брани,
Не слышно голоса мечей,
И вѣрно, долго тучной дани
Мы не возьмемъ съ людскихъ костей! —

„Нѣтъ, сѣрый братъ! я чую радость,
Я вижу трупы вдалекѣ,
И крови лакомая сладость
Кипитъ на жадномъ языкѣ.
Недаромъ лѣсъ завылъ дремучій,
Смутилась твердь и лоно водъ. . .
Вѣдь это брани духъ могучій
Предначинаетъ свой полётъ.

„О, скоро вспыхнетъ сѣчь пыланье,
Заговоритъ войною міръ;
Насытитъ смерть свое алканье,
Созрѣетъ намъ роскошный пиръ.
И мы помчимся въ сонмѣ дикомъ
Туда, гдѣ тѣшился булатъ,
И жатву плоти встрѣтя съ крикомъ,
Отслужимъ свой надъ ней обрядъ!“

ВЕЧЕРЪ.

Съ насыщенныхъ свѣтомъ лазурныхъ долинъ
Скатился вѣнчанный небесъ исполинъ,
И въ двери востока, намѣстникъ готовый,
Къ намъ шествуетъ мѣсяцъ; а западъ лиловый
Сіяньемъ вечерней звѣзды освѣщёнъ:
Горитъ провозвѣстница мглы и заката,
И жаромъ и нѣгой волшебной объята,
Къ землѣ опускаетъ свой дѣвственный тронъ.

Пойду любоваться вечерней звѣздою,
И мѣсяцемъ яснымъ, и ласковой мглою;
Но слышу — кругомъ суетится народъ,
И вторится говоръ нестройныхъ заботъ. . .
А я, вдалекѣ отъ черты многолюдной,
Въ покоѣ глубокомъ, въ тиши непробудной
Привыкъ любоваться вечерней звѣздой,
И мѣсяцемъ яснымъ и ласковой мглой;
Привыкъ ихъ встрѣчать одинокимъ привѣтомъ
На холмѣ кремнистомъ, въ мохъ дикій одѣтомъ,
И радовать сердце, въ истомѣ тоски,
Задумчивымъ хоромъ пустынной рѣки!

ПРИМИРЕНІЕ.

Не бунтуй, душа, напрасно,
Прекрати съ людьми войну,
Проповѣдуй громогласно
Золотую тишину.
Что̀ въ мучительномъ раздорѣ?
Онъ преслѣдуетъ, томитъ,
Онъ питаетъ наше горе,
Но отрадой не живитъ.

Если видишь въ людяхъ глупость,
Смѣсь невѣжества и зла,
Обвиняй природы скупость,
Что даровъ имъ не дала;
Не дала имъ разумѣнья,
Цѣломудренной мечты
И священнаго стремленья
Въ міръ изящной красоты!

ИВАНЪ ВЕЛИКІЙ.

Въ кругу очертясь заповѣдно-твердынномъ,
На холмѣ великомъ, на холмѣ святомъ,
Царей православныхъ жилищъ старинномъ,
Онъ сталъ и вознесся къ эѳиру челомъ;
Въ эпоху тревогъ и печали народной,
Въ дни голода выросъ... недаромъ онъ тощъ!
И вѣетъ съ чела его мглою холодной,
И въ немъ откликаются воля и мощь.

Горитъ и красуется сторожъ могучій,
Сокровище взору, источникъ мечтамъ,
И волны молитвъ и громовыхъ созвучій
Отъ купола яркаго мчитъ къ небесамъ.
Онъ къ Богу взываетъ, какъ Вѣры посредникъ,
И смотритъ на міръ съ рубежа облаковъ,
И дней безграничныхъ державный наслѣдникъ,
Смѣется полету холодныхъ вѣковъ.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Завѣшенъ снѣгомъ, кедръ высокой
На темномъ сѣверѣ стоитъ,
И клонитъ сонъ его глубокой,
И въ тяжкомъ онъ покоѣ спитъ.

И снится кедру пальма: снится,
Какъ безотрадно тамъ, вдали,
На югѣ пламенномъ томится
Она, страдалица земли.

ПРИСТАНЬ.

Я съ волнами жизни смутной
Долго справиться не могъ;
Вотъ у берега пріютно
Сталъ мой трепетный челнокъ. . .
Благодатную свободу
Сердце чувствуетъ вполнѣ,
И любить одну природу
Предлагаетъ нынѣ мнѣ.

Время дѣтскихъ заблужденій,
Своенравнаго огня,
Съ вихремъ ярыхъ потрясеній,
Пронеслося для меня.
Все, что прежде волновало,
Въ сердце врѣзывая страсть,
Надо мною потеряло
Чародѣйственную власть.

—

И подъ гнетомъ непогоды
Тяжко стонутъ ли моря,
И дрожатъ ли неба своды,
Молній заревомъ горя:
Передъ ними нынѣ смѣлъ я
И могуществень стою,
Ихъ тревоги, мглы и стрѣлъ я
Не пускаю въ грудь мою.

ПЕРЕЛОЖЕНІЯ ИЗЪ БИБЛІИ.

ПРЕМУДРОСТЬ.

Краше перла, изумруда,
Чище солнечныхъ лучей,
Гдѣ живетъ она, откуда
Вѣчный свой струитъ елей?

Бездна молвитъ средь кручины:
Нѣтъ премудрости во мнѣ;
Откликаются пучины:
Нѣтъ ея на нашемъ днѣ.

Безгранично - величава,
Утаилась отъ земли.
— Намъ ея гремѣла слава —
Смерть и пагуба рекли.

Только міра Вседержитель
Слѣдъ премудрости постигъ,
Безначально къ ней въ обитель
Прежде вѣчности проникъ.

Самъ Онъ, полный провидѣнья,
Поднебесную блюдётъ,
Знаетъ чинъ всего творенья,
Вихрей вѣсъ и мѣру водъ!

ОБОРОНА.

Кто живетъ, молясь и вѣря,
Чуждъ бѣдамъ онъ роковымъ;
Сталь врага и зубы звѣря
Притупятся передъ нимъ.
Онъ пройдетъ сквозь вихрь и пламень,
Сквозь ревущій ураганъ;
За него гора и камень
И бездонный океанъ!

НАИТІЕ.

Не опытъ смертному даруетъ
Блаженной мудрости удѣлъ,
И не сѣдины знаменуетъ
Краса высокихъ чувствъ и дѣлъ;
Нѣтъ, съ раннихъ лѣтъ намъ есть Учитель,
Его глаголъ непобѣдимъ:
Самъ дивный вѣетъ Вседержитель
На насъ дыханіемъ святымъ!

Такъ, въ цвѣтѣ юности незрѣлой,
Я полонъ истинъ неземныхъ,
И сердце жаждетъ рѣчи смѣлой,
Бунтуя въ персяхъ молодыхъ.
Изнемогаю, весь убитый
Души глубокимъ торжествомъ,
И грудь моя какъ мѣхъ, налитый
Огнеклокочущимъ виномъ;
И я уста открою шумно,
И рѣки слова источу...
Не постыжусь людей безумно
И предъ лицомъ не замолчу!

СѢТОВАНІЕ.

Точатъ плоть мою болѣзни,
Въ сердцѣ лютый скорпіонъ...
Проклятъ будь навѣкъ, исчезни
День, когда я въ свѣтъ рождёнъ!

Да пожретъ ту ночь пучина,
Мракъ и смерть, когда рекли:
Вотъ еще приноситъ сына
Естеству жена земли!

Да не вспомнитъ ночи этой
Міроздатель никогда;
Кто ей другъ, тотъ вѣчно сѣтуй
Въ безднѣ горя и стыда.

Да померкнутъ и въ гробницы
Лягутъ звѣзды ночи той,
И она красы-денницы
Не дождется въ скорби злой!

Потому что не закрыла
Чрева матери моей,
Не стоптала, не разбила
Чашу мнѣ посланныхъ дней.

О, зачѣмъ, едва зачатый,
Не погибъ въ утробѣ я!
Для чего меня взяла ты
На колѣни, мать моя?

Для чего сосцы кипѣли
Мнѣ отраднымъ молокомъ?
О, зачѣмъ я въ колыбели
Не заснулъ могильнымъ сномъ!

Стонъ и жалобы волнами
Съ устъ моихъ бы не текли...
Я бы спалъ теперь съ царями
И съ могучими земли.

Въ мірѣ томъ гроза и ярость
Бурныхъ душъ утолены,
Отдыхаютъ трудъ и старость
Подъ крылами тишины.

О, зачѣмъ дѣтямъ мученья
Небеса кидаютъ свѣтъ
И не рвутъ скорѣй теченья
Жизни, полной слезъ и бѣдъ!

Кто здѣсь ищетъ, будто клада,
Мглы и сѣни гробовой,
Не летитъ къ тому отрада —
Смерть, дающая покой.

СВИДѢТЕЛЬ.

И день и ночь я лью стенанья,
Но ты, земля, ихъ прочь гони,
Окаменѣй для состраданья
И слухъ безчувственно сомкни!
Мнѣ есть Внимающій, Кому я
Несу печаль души моей,
Предъ Кѣмъ, растерзанный, точу я
Безсонно-жгучихъ слезъ ручей!

Богъ насъ проводитъ чрезъ горнило
Злыхъ испытаній, чтобъ сердца
Крѣпчали мужествомъ и силой
И рдѣлись вѣрой до конца.

Его ль пути, какъ наши, слѣпы,
И Онъ ли въ граняхъ скованъ былъ?
Произнесетъ ли судъ нелѣпый,
Кто землю съ небомъ сотворилъ?

Когда святое дуновенье
Удержитъ въ пламенныхъ устахъ —
Поникнетъ все въ одно мгновенье,
И міръ уляжется во прахъ!

ПСАЛОМЪ НА ГОЛІАѲА.

И юнъ и малъ предъ всѣми былъ я
Въ дому отца, и по полямъ
Овецъ смиренныхъ предводилъ я,
Душою тихъ и кротокъ самъ.
Мои неопытныя руки
Органъ составили, и я
Перстами ткалъ на струнахъ звуки,
Міроздателя хваля.

Но кто души восторгъ умильный
Домчитъ къ небесной вышинѣ?
Услышитъ Самъ его Всесильный!
Послалъ Онъ вѣстника ко мнѣ...
И принялъ я елей избранья,
И чудно взятъ былъ отъ овецъ,
Чтобъ оправдать знаменованья
И на чело надѣть вѣнецъ.

Моихъ великихъ, славныхъ братій
Господь любовью не вѣнчалъ.
Мнѣ бурю идольскихъ заклятій
Язычникъ страшный изрыгалъ...
Но онъ у ногъ моихъ застынулъ:
Я вырвалъ мечъ изъ рукъ его,
И съ головой безумца скинулъ
Позоръ съ народа моего.

ПСАЛОМЪ 8.

О Ты, что держишь скипетръ вѣчный,
Кто силъ Твоихъ измѣритъ вѣсъ?
Ихъ не обниметъ безконечный
Просторъ пучинъ и глубь небесъ.
Ты въ грудь младенцевъ безглагольныхъ
Вложилъ восторгъ, и потекла
Изъ устъ ихъ дивно-богомольныхъ
Благоуханная хвала.

Взгляну я, трепетно-мятежный,
На пологъ неба голубой,
На звѣзды, мѣсяцъ бѣлоснѣжный,
На все, что создано Тобой;
И цѣпь великую творенья
Я вижу... Что̀ же сынъ земли,
Надъ кѣмъ, Создатель, попеченья
Незримо носятся Твои?

Немногимъ, Боже, ограничилъ
Ты противъ ангеловъ его,
Дарами, славой возвеличилъ,
И ввѣрилъ ключъ ему всего...
Онъ царь земли — его рукою
Утишенъ бурный пылъ звѣрей;
Онъ выше тучь ступилъ пятою,
Похитилъ таинства морей.

ИЗЪ СОЛОМОНА.

„Печаленъ, малъ путь жизни нашей,
Рекли неправыя сердца:
И человѣку съ горькой чашей
Нѣтъ избавленья отъ конца.
Гдѣ провозвѣстникъ доли тайной,
Что скрѣплена могильнымъ сномъ?
Мы рождены темно, случайно,
И вновь къ ничтожеству пойдёмъ.

Лишь дымъ и призракъ въ насъ дыханье,
А слово — сердца гулъ слѣпой;
Внутри замретъ огня мерцанье,
И тѣло пепелъ гробовой;
Подобно каплѣ, разольется
Нашъ духъ, а имя и дѣла
Какъ бы падутъ на дно колодца:
Ихъ осѣнитъ навѣки мгла.

И рухнутъ наши дни уныло,
Слетятъ, какъ утренній туманъ,
Почуя жаркое свѣтило,
Слетаетъ съ дремлющихъ полянъ.
Такъ! наша жизнь подобье тѣни;
Безплодно спрашивать хотимъ. . .
Возврата нѣтъ изъ мрачной сѣни,
И смерти путь неизбѣжимъ.

Пойдемъ же вслѣдъ за нашимъ мигомъ,
Пойдемъ въ цвѣтущій нѣги садъ;
Земнымъ не связанные игомъ,
Потопимъ дни въ рѣкѣ отрадъ.

Устроимъ пиръ чредой желанной,
Грудь сокомъ знойнымъ напоимъ,
И обольемъ благоуханно
Чело елеемъ дорогимъ.

Да не напрасно въ бездну канутъ
Разсвѣтъ и краски бытія;
Возложимъ, прежде чѣмъ увянутъ,
Мы плющъ и розы на себя.
Вездѣ оставимъ ликованья
И шумной радости печать;
Въ нихъ тайна здѣшняго призванья,
Земли вѣнецъ и благодать.

И понесетъ отъ насъ убогій
Позоръ съ насильемъ роковымъ;
Мы презримъ старца лепетъ строгій,
Вдовицы слезъ не пощадимъ.
И мужа правды медомъ лести
Угомонимъ коварно мы,
И сбережемъ его для мести,
Для адской гибели и тмы.

Затѣмъ что насъ онъ порицаетъ,
Дѣяній тусклыхъ не любя,
И суевѣрно величаетъ
Господнимъ отрокомъ себя.
Его стези, его укоры
Намъ ядовитѣй клеветы;
И снесть не могутъ наши взоры
Его угрюмыя черты.

И мы направимъ хищно руки
Противъ докучнаго врага,
И вкуситъ смерть, позоръ и муки
Упрямый Господа слуга.
Тогда, въ кровавое мгновенье,
Мы взвѣсимъ легче и яснѣй,
Сколь неподвижно въ немъ терпѣнье
И глухо сердце для страстей!"

Рекли питомцы преступленья
Въ змѣино-демонской мечтѣ,
И тайнъ высокихъ Провидѣнья
Не отгадали въ слѣпотѣ;

Разбили чистое желанье,
На доблесть подняли мечи,
Добру отвергли воздаянье,
Сорвали съ мужества лучи.

Нѣтъ, не на тлѣнъ и скоротечность
Богъ человѣка сотворилъ;
Онъ далъ ему права на вѣчность
И въ немъ Себя изобразилъ.
Но смерть губительнымъ влiяньемъ
Силъ черныхъ въ мiръ занесена:
Кто обреченъ ей достояньемъ,
Того въ свой зѣвъ беретъ она.

ИЗЪ СОЛОМОНА.

Причастный гроба узамъ чёрнымъ,
Первосозданнаго я внукъ:
На землю палъ зерномъ покорнымъ
И издалъ плача грустный звукъ.
Съ цѣлебнымъ сокомъ наслажденье
Доилъ мнѣ матерній сосецъ...
Всѣмъ одинаково рожденье,
Всѣмъ одинаковъ и конецъ.

И къ Небу я мольбой смиренной
Воззвалъ, на тяжкій зрья путь,
И духъ премудрости нетлѣнной
Наполнилъ сумрачную грудь.
Въ огнѣ святыхъ ея глаголовъ
Душа растаяла моя,
И выше скиптровъ и престоловъ
Ее почтилъ въ отрадѣ я.

Предъ ней земныя украшенья
Какъ прахъ, разсыпанный у ногъ;
Безцвѣтны яркія каменья,
А груды золота — песокъ.
Я не алкалъ красы тѣлесной,
Упругихъ мышцъ — ея просилъ ,
Затѣмъ что лучъ ея небесный
Творецъ изящества и силъ.

И вотъ рѣкой съ ея дарами
Ко мнѣ сокровища пришли;
Стоятъ богатства предъ очами,
Какъ дань услужливой земли.

Облекся я порфирной властью,
Уснулъ на радужныхъ цвѣтахъ. . .
Премудрость дверь къ живому счастью,
Алтарь щедротъ, царица благъ.

Какъ тать, ее безвѣстнымъ кладомъ
Я не запру въ груди моей;
Но брызну мощнымъ водопадомъ
Въ ненапоенный слухъ людей.
Мнѣ далъ восторгъ и звучный лепетъ
Самъ Богъ, премудрости Отецъ. . .
Въ Его рукѣ устъ нашихъ трепетъ
И струны чуткія сердецъ.

Онъ далъ мнѣ знать ходъ міра дивный,
Законы движущихъ имъ силъ,
Временъ порядокъ непрерывный
И вѣчный бѣгъ и чинъ свѣтилъ;
Далъ вѣдать бурь напѣвъ угрюмый,
И безсловесныхъ дикій нравъ,
И человѣческія думы,
И жизнь деревъ, и свойства травъ.

И что вѣщаетъ взору явно,
И что молчитъ среди завѣсъ,
Всему наставила державно
Меня премудрость, мать чудесъ.
Живетъ въ художницѣ высокой
Духъ — рая чище и святѣй,
Все проницающій глубоко,
Сходящій молніи быстрѣй.

Какъ Божьихъ тайнъ и дѣлъ начало,
Премудрость правитъ всѣмъ одна,
И славы Творческой зерцало,
Пророковъ движетъ грудь она.
И звѣзды въ прелести полночной
Предъ нею тусклы, блѣденъ свѣтъ;
Смѣняетъ солнце мракъ урочный,
Ей никогда заката нѣтъ.

Она лишь міру совершенство,
Всему, что создано, вѣнецъ;
Какъ безначальность и блаженство,
Самъ возлюбилъ ее Творецъ.

И нашу плоть она съ терпѣньемъ
И духъ нашъ съ святостью дружитъ,
И цѣломудреннымъ смиреньемъ,
И правдой, мужествомъ крѣпитъ.

И если смертный полнъ желаній
Съ чудесъ и тайнъ совлечь печать,
И сокровенный смыслъ гаданій
Разоблачить и прочитать:
Она лучемъ своихъ наитій
Вездѣ ему покажетъ свѣтъ,
И развернетъ чреду событій
Въ пучинной будущности лѣтъ.

Ея искалъ, ее избралъ я
Себѣ невѣстой съ юныхъ дней,
Суетъ владычество попралъ я
И сердцу жить назначилъ съ ней.
Я вѣрилъ, будетъ мнѣ подруга
И вождь она въ трудахъ земныхъ,
Цѣлитель скорбнаго недуга,
Бальзамъ печалей роковыхъ.

Въ союзѣ съ нею мнѣ народы
Дадутъ высокой славы чинъ;
Мои младенческіе годы
Похитятъ почесть у сѣдинъ;
И въ кругъ бесѣдъ людскихъ на преньe
Я побѣдительно войду
И сердце сильныхъ въ изумленье
Могучимъ словомъ приведу.

И если стану я молчанье
Хранить, объятый роемъ думъ,
Всѣ погрузятся въ ожиданье,
Прервутъ докучный слуху шумъ;
И если рѣчь моя широко
И звучно будетъ пролита,
Всѣ, подчиняясь ей глубоко,
Положатъ палецъ на уста.

И въ сѣнь могилы путь не страшенъ,
Когда премудрость мнѣ покровъ;
Ея величіемъ украшенъ,
Жить буду въ памяти вѣковъ.

И вразумитъ меня верховно
Людьми господствовать она,
И покорятся безусловно
Мнѣ странъ безвѣстныхъ племена.

И содрогнется злой мучитель
Отъ мѣткихъ стрѣлъ рѣчей моихъ;
Я въ брани буду сокрушитель,
А въ мирѣ благостенъ и тихъ.
Войду безъ смутъ въ мои чертоги,
Почію съ гостьей неземной...
О, съ нею нѣтъ душѣ тревоги,
Съ ней безпечальность и покой!

ИЗЪ МОИСЕЯ.

Склоните къ смертному вниманье,
Небесъ лазурныя поля!
Да слышитъ устъ моихъ вѣщанье
Съ морскими безднами земля!
Да ниспадутъ мои глаголы,
Какъ сладкошумный дождь изъ тучь,
Какъ съ крутизны летитъ на долы
И землю бьетъ гремучій ключъ!

Душою, полной умиленья,
Я имя Господа призвалъ:
Ему настройте пѣснопѣнья,
Курите жертвенникъ похвалъ!
Въ дѣлахъ творенья возвеличенъ,
Онъ любитъ истины печать;
Его судъ грозный безграниченъ,
Неизмѣрима благодать.

Но, дѣти Божьяго призванья,
Попрали вы Его наказъ...
Родъ буйный! Это ль воздаянье
Творцу, спасающему васъ?
Куда влечетесь безразсудно,
Противъ Кого ополчены?
Не Онъ ли вашъ Отецъ, Кѣмъ чудно
И жизнь и счастье вамъ даны?

Окиньте зоркими глазами
Первоначальные вѣка;
Пусть пронесется передъ вами
Людей и времени рѣка;

Спросите тѣхъ, кто васъ родили,
Пролейте слово къ сѣдинамъ —
И чудодѣйственныя были
Заговорятъ глубоко вамъ.

Когда, разсѣявъ поколѣнья,
Всевышній ходъ устроилъ имъ,
Онъ поручилъ законы бдѣнья
Надъ ними Ангеламъ святымъ;
Себѣ жъ, какъ жребій невозвратный,
Одинъ лишь родъ избралъ во власть —
И былъ Израиль благодатный
Творцу возлюбленная часть.

Его Онъ поднялъ отъ безсилья
И въ даль завѣтную повелъ,
Какъ съ торжествомъ принявъ на крылья
Своихъ птенцовъ несетъ орелъ.
Его насытилъ Онъ въ пустынѣ
И спасъ отъ жажды и препонъ,
И передъ нимъ погрязъ въ пучинѣ
Конегонитель Фараонъ.

И велъ Создатель чадъ избранныхъ,
Лія на нихъ щедроты дождь,
И землю благъ обѣтованныхъ
Открылъ очамъ ихъ Крѣпкій Вождь. . .
И тукъ овецъ они вкушали,
И гроздій кровь и даръ полей,
И камни медъ имъ предлагали,
И скалы капали елей.

И полонъ жизни, пресыщенный,
Іаковъ Небу измѣнилъ,
Поколебался, вожделѣнный,
И Бога спасшаго забылъ.
Желаньемъ суетно-кичливымъ
Онъ растопталъ Еговы храмъ;
Принесъ богамъ чужимъ и лживымъ
Клятвопреступный ѳиміамъ.

И отъ измѣнниковъ сурово
Ликъ отвратилъ Господь и рекъ
Въ пыланьи ревности громовой:
„Неблагодаренъ человѣкъ.

Да отягчитъ же казни мѣра
Сыновъ, отринувшихъ Творца;
Не водворяется къ нимъ вѣра
Въ окамененныя сердца.

,,Вспылавъ, раскатится до ада
Огонь отъ ярости Моей;
Подъ нимъ растаетъ горъ громада,
Истлѣетъ жизнь и плодъ полей.
И соберу на родъ лукавый
Дни, закаленные въ бѣдахъ;
Всѣхъ обезчадитъ мечъ кровавый,
Отъ алтарей погонитъ страхъ.

,,Разсѣю ихъ, и съ содроганьемъ
Ихъ жребій память сохранитъ... —
Гдѣ эти боги, упованьемъ
Которыхъ сердце ваше чтитъ?
Вы ѣли жертвъ ихъ тукъ обильный,
Вы наполнялись ихъ виномъ:
Да оживутъ и васъ всесильно
Покроютъ ласковымъ щитомъ!“

Хвала Творцу! Имъ вѣкъ держимый,
Ты съ плескомъ радуйся, эѳиръ!
Не умолкайте, херувимы,
Блажить престолъ Его и міръ! —
Вамъ нѣтъ стыда, вамъ нѣтъ печалей,
Чьи вѣрой теплятся сердца...
А вы, отступники Скрижалей,
Вы ждите страшнаго конца!

ИЗЪ ІОВА.

Сквозь туманъ, грозой кипящій,
Богъ перунами сверкалъ
И глаголъ громозвучащій
Необъятно простиралъ:
Кто ты, мужъ земной юдоли,
Бога смѣющій винить
И гордыню думъ и воли
Отъ Него хотящій скрыть?

Въ ризу крѣпости и славы
Облачись, питомецъ лѣтъ;
Стань, какъ царь, съ жезломъ державы;
Я спрошу, ты дай отвѣтъ.
Гдѣ ты былъ, когда паялась
Толща сумрачной земли?
Въ грани кѣмъ она стѣснялась,
Кто ей строилъ вереи?

И на чемъ ея подпоры
Стали тяжкою пятой?
Кто морямъ склепалъ затворы,
Очертилъ ихъ бѣгъ слѣпой?
Кто раскинулъ надъ зыбями
Неветшающій покровъ,
Опоясалъ ихъ шатрами
Изъ тумановъ и паровъ?

При тебѣ ль родился ярко
Утра свѣтъ, любовь очей,
И заря вспылала жарко,
Предводительница дней?

Ты ль, творя природы зданье,
Чинъ существъ установилъ,
Въ бездыханность влилъ дыханье,
Въ пепелъ слово заронилъ?

Иль спустился ты въ пучины,
Ихъ разгрянулъ и сомкнулъ?
Сталъ на звѣздныя стремнины,
Твердь и тартаръ пошатнулъ?
Гдѣ, скажи, обитель свѣта,
Мглы и ночи колыбель?
Покорилъ ты бурю лѣта,
Унялъ зимнюю мятель?

Кто стремительные грады
Съ тучь бросаетъ, какъ свинецъ?
Гдѣ снѣговъ таятся клады?
Кто росамъ, дождю отецъ?
Чья рука веселымъ злакомъ
Наготу пустынь живитъ,
Рядитъ въ мохъ покрытый мракомъ,
Непривѣтливый гранитъ?

Иль прочтешь небесъ таблицы,
Ихъ измѣнишь череду
И притянешь за косицы
Ты вечернюю звѣзду?
Кто какъ чашу опрокинулъ
Надъ землею неба сводъ
И на немъ сложилъ и двинулъ
Облаковъ летучій ходъ?

Ты ли грозное желанье
Львовъ пустынныхъ утолилъ?
На тебя ли упованье
Ставятъ тигръ и крокодилъ?
Кто въ глуши трущобъ унылыхъ
Пищу ворону даетъ
И птенцовъ его безкрылыхъ
Пеленаетъ и блюдетъ?

Ты ль безстрашіемъ и рвеньемъ
И красой вѣнчалъ коня,
Налилъ грудь его кипѣньемъ,
Бурей силы и огня?

Посмотри: онъ, чуждъ печали,
Бьетъ копытомъ по землѣ,
Не уклонится отъ стали
И ругается стрѣлѣ.

И твоей ли волей твёрдой,
Полюбивъ надземный долъ,
Съ торжествомъ, съ отвагой гордой
Въ небѣ носится орёлъ?
Беззаботливо-широко
Распростеръ онъ крылья тамъ
И стремитъ навстрѣчу око
Ослѣпительнымъ лучамъ.

И зацѣпишь ли ты удой
И запрешь ли въ тенета
Водъ земныхъ царя и чудо,
Неприступнаго кита?
И ему рукой надменной
Ты предпишешь ли законъ;
И попроситъ ли смиренно
У тебя пощады онъ?

Полонъ славы, полонъ силы,
Узы станетъ ли терпѣть?
Какъ канатъ въ немъ свиты жилы,
Ребра кованая мѣдь.
Не услышитъ наводненья,
И потопъ ему мечта;
Приметъ шумное стремленье
Цѣлыхъ рѣкъ въ свои уста.

Онъ взыграетъ, и трепещутъ
Нѣдра влажной глубины;
Какъ денница очи блещутъ,
Бурнымъ свѣтомъ зажжены.
Изъ ноздрей горящихъ клубомъ
Раскаленный паръ бѣжитъ;
Подъ его свинцовымъ зубомъ
Черепъ скалъ не устоитъ.

Водворяется свирѣпо
На гранитныхъ персяхъ мочь;
Передъ нимъ всегда и слѣпо
Ходитъ пагуба какъ дочь.

Духъ его — растущій пламень,
Разрывающійся громъ;
Сердце, твердое какъ камень,
Будто наковальня въ нёмъ.

Спитъ на остріяхъ подводныхъ,
И сокровища, какъ прахъ,
Безъ числа подъ нимъ въ холодныхъ
Раскидались глубинахъ.
И встаетъ отъ ложа съ пиромъ,
Съ вѣчнымъ жаромъ великанъ:
Какъ сосудъ, налитый мѵромъ,
Кипятитъ онъ океанъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Говорится о Брюсѣ.

2. Здѣсь обозначено то время, когда водопроводная машина, устроенная въ двухъ верстахъ отъ Крестовской заставы, запирается, для осмотра и если нужно исправленія механическихъ ея снарядовъ; отъ чего и ходъ воды къ башнѣ останавливается. Это бываетъ каждодневно въ 9 час. веч. и продолжается не болѣе получаса.

3. Писано въ Сибири, по возвращеніи изъ первой поѣздки въ Москву.

4. Въ бытность (1838 г.) славнаго скрыпача Оль-Буля въ Москвѣ, нѣкоторые весьма образованные люди, въ откровенной бесѣдѣ, слышали отъ него, что въ опасныхъ обстоятельствахъ жизни, когда онъ доходилъ до отчаянія, явилось ему существо нездѣшняго міра и открыло тайну властвовать надъ другими силою смычка. Разсказъ Оль-Буля составляетъ основу этой пьесы.

5. *Абалакъ* — названіе села, находящагося въ 25 верстахъ отъ Тобольска.

6. *Шанталыкъ* — нынѣшнее село Ивановское, въ 10 верстахъ отъ Тобольска.

7. Съ 1664 года.

8. Икону приносятъ въ Тобольскъ 8 Іюля.

9. Икона подымается оттуда обратно въ Абалакъ 23 Іюля. Мѣстное уваженіе къ ней до того распространено, что даже самые послѣдователи Алкорана, во время крестнаго хода, присоединяются къ массѣ христіанъ, во множествѣ идущихъ за Образомъ, и ставятъ предъ нимъ свѣчи, а иногда дѣлаютъ разные вклады.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Стр.

ПЕРЕЛОЖЕНІЯ ИЗЪ БИБЛІИ:

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:	*Читать:*
Стран. 21 ст. 1 — предъ Кѣмъ	подъ Кѣмъ.
Стран. 172 ст. 8 — холодныхъ	голодныхъ.

